

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 4
№ 2
2025

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Журнал «УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА» Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

С 1 октября 2024 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по научным специальностям: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения.

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
профессор, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгун,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Виталий Викторович Субочев,
профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитоновна,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Professor, Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Vitaly Subochev,

Professor, Head of Department of State Regulation, MGIMO University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Содержание и основные аспекты государственной политики в области высшего образования Российской Федерации	8
<i>Е.С. Матвеева, Р.Р. Норов</i>	

Роль ФАО ООН в решении проблемы продовольственной безопасности стран Северной Африки	22
<i>А.А. Никульшин</i>	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Политика памяти в регионе Курдистан-Ирак	31
<i>А.А. Асылгузина</i>	

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

«Холодная война 1.0 и Холодная война 2.0: сравнительный анализ»	43
<i>В.И. Батюк</i>	

Международно-политические проблемы использования ИИ в военных целях.....	51
<i>Д.Ю. Кочеринский, Е.С. Зиновьева</i>	

Информация для авторов.....	65
-----------------------------	----

Contents

PUBLIC ADMINISTRATION

Essence and Key Aspects of State Policy in the Field of Higher Education of the Russian Federation	8
<i>Evgeniia S. Matveeva, Ruslan R. Norov</i>	

Role of FAO in Addressing Food Security Challenges in North African States	22
<i>Alexander A. Nikulshin</i>	

POLITICAL SCIENCE

Memory Policy in the Kurdistan Region of Iraq	31
<i>Arina A. Asylguzhina</i>	

INTERNATIONAL POLITICS

Cold War 1.0 and Cold War 2.0: Comparative Analysis	43
<i>Vladimir I. Batyuk</i>	

Global Political Challenges of the Use of AI for Military Purposes	51
<i>Danil Y. Kocherinskii, Elena S. Zinovieva</i>	

Brief Author's Guide	65
----------------------------	----

Содержание и основные аспекты государственной политики в области высшего образования Российской Федерации

Е.С. МАТВЕЕВА*

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
(Россия)

Р.Р. НОРОВ**

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
(Россия)

Аннотация

Цель статьи заключается в анализе содержания и основных аспектов государственной стратегии в области высшего образования Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена стремительными изменениями в образовательной среде, необходимостью адаптации системы образования к современным требованиям рынка труда и глобальным вызовам. В условиях цифровизации и международной конкуренции повышается значимость высшего образования как ключевого фактора экономического и социального развития. Государственная политика в этой сфере должна учитывать инновационные подходы, обеспечивать доступность качественного образования и поддерживать научные исследования. Анализ ее сущности и концептов способствует выработке стратегий, направленных на улучшение образовательной инфраструктуры и повышения конкурентоспособности российских вузов на глобальной арене. Методологический аспект работы основывается на системном и комплексном подходах. Анализ нормативных правовых актов, стратегических документов и программ, касающихся высшего образования, позволяет выявить основные направления и механизмы государственной политики. Методы социологического исследования, такие как опросы и интервью с экспертами в области образования, что помогают углубить понимание текущих тенденций и проблем. Авторами особое внимание уделяется роли государства в формировании и развитии системы высшего образования, а также его влияние на образовательные учреждения и студенческое сообщество в целом. В статье авторы опираются на актуальные исследования и данные, чтобы представить обзорную картину государственной политики в сфере высшего образования в Российской Федерации, выделяя основные тенденции, вызовы и перспективы развития данного сектора.

* Матвеева Евгения Сергеевна – к.ист.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. 302026, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12.
E-mail: evgmatveeva@bk.ru

** Норов Руслан Радионович – аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. 302026, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12.
E-mail: norov.ruslan1999@yandex.ru

Ключевые слова

высшее образование, государственная политика в сфере высшего образования, система образования, Болонская система, органы государственной власти, образовательные учреждения

Для цитирования

Матвеева Е.С., Норов Р.Р. (2025). Содержание и основные аспекты государственной политики в области высшего образования Российской Федерации. *Управление и политика*. 2(4). С. 8–21. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-8-21

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

Актуальность исследования темы просматривается через необходимость глубокого анализа адаптации образовательной системы к быстро меняющимся условиям глобализованного мира. В современных реалиях высшее образование становится важным фактором не только личностного роста, но и экономического развития страны. Эффективная государственная политика в этой сфере способствует подготовке квалифицированных кадров, необходимых для инновационного развития и конкурентоспособности России на мировой арене. Также учитываются вызовы, связанные с цифровизацией, изменениями в потребностях рынка труда и международной интеграцией образовательных процессов. В условиях реализации стратегий национального развития важность высшего образования и его государственной поддержки только возрастает. Углубленный анализ сущности действующей политики поможет выявить сильные и слабые стороны системы, предложить рекомендации по ее улучшению и адаптации к современным требованиям, что является важным шагом на пути к улучшению качества образования и повышения его доступности для всех слоев населения.

Современная инновационная экономика поставила перед высшими учебными заведениями России новые и более

высокие требования. За последние десятилетия работодатели высказывают серьезную критику в адрес вузов, обвиняя их в недостаточной подготовке выпускников. Работодатели считают, что молодые бакалавры, специалисты и магистры не обладают необходимыми компетенциями для успешной работы в современных условиях, а их знания о технологических процессах ограничены. В связи с этим, работодателям приходится отбирать самых лучших выпускников и затем организовывать дополнительное обучение для их дальнейшей профессиональной подготовки.

После распада Советского Союза наблюдалось снижение качества образования, что являлось результатом глубоких системных изменений в образовательной политике и экономике страны. Начало реформирования направлений высшего образования привело к многочисленным преобразованиям, не всегда положительно сказывающимся на учебном процессе и подготовке специалистов. Существует множество факторов, способствующих деградации образовательных стандартов. В первую очередь, это недостаточное финансирование образовательных учреждений, что привело к дефициту современных учебных материалов и ухудшению материально-технической базы. Кроме того, сокращение числа квалифицированных

преподавателей, вызванное недостатком мотивации и низкими заработными платами, неизменно, хотя и косвенно, влияет на общий уровень подготовки студентов. Сложившаяся ситуация также способствует возникновению проблемы неравномерности в распределении ресурсов между образовательными учреждениями различных уровней и направлений. В результате этого растет разрыв в качестве образования в зависимости от региона, что негативно сказывается на конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Таким образом, для достижения нужного уровня качества образования необходимо пересмотреть существующие подходы к финансированию, кадровой политике и образовательным стандартам в высших учебных заведениях.

В последние годы можно констатировать выраженную тенденцию сокращения количества высших учебных заведений в Российской Федерации. Данная редукция, хотя и может рассматриваться как оптимизация образовательной инфраструктуры, в то же время акцентирует на негативных последствиях для доступности высшего образования, а также на потенциальной утрате образовательных традиций и квалифицированного преподавательского состава. Сокращение числа вузов влечет за собой не только уменьшение конкуренции на образовательном рынке, но и может привести к ухудшению качества подготовки специалистов, поскольку оставшиеся учреждения вынуждены непрерывно адаптироваться к внутренним и внешним требованиям, что нередко приводит к снижению образовательных стандартов. В то же время, это явление может способствовать увеличению учебной нагрузки на оставшиеся вузы, которые уже ощущают дефицит ресурсов для обеспечения должного уровня образовательного процесса (Меркулов,

2024). Чтобы высшее образование стало движущей силой развития экономики, не обязательно делать его элитарным. Необходимо сосредоточиться на повышении качества образования, приспособить его к современным требованиям и обеспечить выпускников необходимыми навыками и знаниями для успешной карьеры в инновационной экономике.

Становление концептуальных основ и сущности государственной политики в сфере высшего образования Российской Федерации требует тщательного анализа историко-социокультурных контекстов, что позволяет выделить несколько ключевых этапов. На первоначальном этапе, охватывающем период с момента основания системы высшего образования в России, основной акцент делался на формировании базовых принципов образования и его доступности для различных слоев населения. Такие авторы как Меркулов П.А., Матвеева Е.С., Елисеев А.А., Титова Е.В. отмечают экономическую составляющую данного процесса и то, что образование является инвестицией, которая способна стимулировать экономический рост. С середины XX века наблюдается заметная эволюция государственной политики, которая начинает интегрироваться с международными стандартами образования, что отражает стремление к модернизации и повышению качества подготовляемых специалистов. Эта тенденция прослеживается в работах таких авторов как – Масалова Ю.А., Боташева А.А., Богданова А.Д. и др. В последующее время, в рамках перехода к рыночной экономике, особое внимание уделяется гибкости образовательных программ и их соответствию требованиям экономики, а также развитию научного потенциала, что просматривается в работах Малявкиной Н.В., Мартынова С.В., Мычку С.Ю., Токарева Г.В. и др. Современный этап характеризуется

акцентом на инновационные подходы, внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и активное взаимодействие с индустриальным сектором, что подчеркивает необходимость адаптации государственной политики к динамично изменяющимся условиям глобального образования. Теоретическая проработанность данной темы исследования не только отражает изменения в подходах к высшему образованию, но и служит основой для понимания текущих тенденций и вызовов, с которыми сталкивается российская образовательная система.

В проведенном исследовании применен комплексный подход, позволяющий выявить многоаспектность рассматриваемой проблемы. Эмпирическая часть включает анализ действующих нормативных документов и программ, направленных на развитие высшего образования, что способствует выявлению ключевых направлений государственной политики.

* * *

Образование, как социальный феномен, представляет собой целенаправленный процесс передачи знаний, навыков и культурных ценностей от поколения к поколению. Оно включает в себя формирование личности, развитие критического мышления и подготовку индивида к активной жизнедеятельности в обществе. Системный подход в понимании образования позволяет выделить его уровни, такие как начальное, среднее и высшее, а также учитывать разнообразие форм, включая формальное, неформальное и информальное обучение. Образование функционирует как фактор социального прогресса

и изменения, способствуя не только индивидуальному, но и коллективному развитию, что делает его незаменимым элементом в функционировании современного общества¹.

Ценность образования заключается в его способности формировать личность и развивать интеллект на протяжении всей жизни. Это фундаментальный элемент, позволяющий индивидуумам адаптироваться к изменяющимся условиям социально-экономической среды и реализовать свой потенциал. Образование способствует гармонизации общественных отношений, трансляции культурных и нравственных норм, обеспечивая стабильность и прогресс в обществе (Боташева, 2024). Через образовательный процесс происходит не только усвоение знаний, но и формирование критического мышления, что в свою очередь способствует развитию инновационных подходов и решений в различных сферах жизни. Образование выступает как ключевая ценность, поэтому государство придает ему огромное значение и оформляет через политику, направленную на развитие системы образования (Матвеева, 2024), обеспечение доступности знаний, формирование квалифицированных кадров и поддержку инновационных инициатив. Это позволяет адаптироваться к изменяющимся требованиям общества и обеспечить его устойчивое будущее.

Образовательная политика в государстве представляет собой совокупность целенаправленных действий и стратегий, направленных на организацию, развитие и регулирование системы образования. Это важнейший механизм, с помощью

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. – 25 дек. (№ 237); СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.

которого государство формирует образовательные стандарты, определяет приоритеты ресурсного обеспечения и обеспечивает равный доступ к знаниям для всех граждан. Образовательная политика неразрывно связана с социальными, экономическими и культурными аспектами жизни общества, способствуя его интеграции в глобальные тренды и инновационные процессы². Важным элементом данной политики являются механизмы мониторинга и оценки эффективности образовательных программ, что позволяет своевременно корректировать подходы и удовлетворять потребности общества в современном образовании.

На сегодняшний день государственная политика в сфере образования представляет собой комплексный и многогранный процесс (Малявкина, 2024), направленный на создание эффективной образовательной системы, которая отвечает потребностям как индивидуумов, так и общества в целом. Она включает в себя разработку нормативно-правовой базы, определение стратегических приоритетов и внедрение современных образовательных стандартов. Важные аспекты этой политики охватывают финансирование образования, повышение качества преподавания, а также внедрение инновационных технологий и методик обучения. Государственная политика также акцентирует внимание на инклюзии и равенстве доступа

к образовательным ресурсам, что способствует формированию ответственного, грамотного и конкурентоспособного общества в условиях глобализации.

В Конституции и федеральном законе Российской Федерации №273 «Об образовании» фиксируется основной понятийный аппарат, раскрывающий особенности, ключевые моменты и ценности этого направления³. Так, статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого гражданина на образование, которое является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации⁴.

Фундаментальными основами государственной политики в области образования в Российской Федерации являются принципы доступности и качества образования, что подразумевает возможность получения образования для всех граждан независимо от их социально-экономического статуса или места проживания. Также важным аспектом является интеграция образовательного процесса с требованиями рынка труда, что способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных в различных отраслях экономики. Ключевую роль играет поддержка инновационных методов обучения и внедрение цифровых технологий, что позволяет адаптировать образовательный процесс к современным вызовам. Важным принципом является

² Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 28.02.2025г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч.1). – Ст. 7598; 2023. – № 2 (Ч. 1). – Ст.37.; 2025. – № 3 (Ч. 2). – Ст. 2571.

³ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 28.02.2025г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч.1). – Ст. 7598; 2023. – № 2 (Ч. 1). – Ст.37.; 2025. – № 3 (Ч. 2). – Ст. 2571.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. – 25 дек. (№ 237); СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.

также поддержка научных исследований и развитие научного потенциала образовательных учреждений. Кроме того, необходимо учитывать культурные и исторические традиции России, интегрируя их в учебные программы, чтобы формировать уважение к российской культуре и ценностям. Большое внимание также уделяется сотрудничеству между различными уровнями власти, образовательными учреждениями и сообществом, что создает благоприятные условия для развития образования. Все эти аспекты формируют целостную образовательную политику, направленную на создание системы, способной эффективно функционировать в условиях динамично меняющегося мира.

Государственная политика в области высшего образования имеет несколько основных целей. В первую очередь, она направлена на обеспечение высокого качества образования и подготовку квалифицированных специалистов. Кроме того, политика стремится стимулировать научные исследования и инновации, а также способствовать социальной мобильности и повышению конкурентоспособности высшего образования на международном уровне.

Сущность государственной политики в сфере высшего образования заключается в формировании нормативно-правовой базы, разработке стратегических планов и программ, а также в предоставлении финансовой поддержки и регулятивных мер для реализации задач, и достижения целей высшего образования. В рамках текущей политики в сфере высшего образования реализуются следующие меры. Во-первых, организуется система аккредитации

и лицензирования высших учебных заведений для контроля соответствия стандартам качества образования и обеспечения высокого уровня образовательных услуг.

Во-вторых, осуществляется контроль за качеством образования, устанавливаются стандарты для оценки качества образовательных программ, учебных материалов, преподавательского состава и инфраструктуры, чтобы гарантировать соответствие требованиям и потребностям студентов.

Третьим аспектом политики является регулирование доступности образования для различных социальных групп. Разрабатываются программы и механизмы, направленные на устранение неравенства в доступе к образованию и обеспечение равных возможностей для всех граждан, независимо от их социального статуса, финансового положения и места проживания.

Наконец, государство активно поддерживает научные исследования и развитие инноваций в области высшего образования. Это включает стимулирование и финансирование научных проектов, создание новых технологий и инновационных решений, способствующих прогрессу и развитию образования в обществе.

Государственная образовательная политика основывается на нескольких принципах. Она поддерживает гуманистический подход к образованию, признает важность единого образовательного пространства в многонациональном государстве, исходит из принципа доступности образования для всех и придерживается принципа секулярности в системе образования⁵.

⁵ Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 138 с.

После присоединения к Болонской системе образования в России появляются бакалавриат, специалитет и магистратура, действующие еще и в настоящий период. В России высшее образование можно получить в различных типах учебных заведений, каждое из которых имеет свои особенности и направления подготовки. Прежде всего, это государственные и частные университеты, институты и академии, которые могут быть общей направленности или специализированными. Например, медицинские академии, художественные и музыкальные институты или технические, подготавливающие кадры в различных отраслях.

После выхода из Болонской системы образования Россия перешла на другой уровень и теперь активно обсуждается уже новая система высшего образования (Елисеев, 2023). Понятно, что в переходный период и в новом векторе развития действуют только ограниченное число пилотных проектов по реформе высшего образования, который продлится до 2026 года. Правительство страны планирует заменить структуру бакалавриата и магистратуры на базовое высшее образование (с учебой по времени ориентировочно четыре – шесть лет) и специализированную подготовку (магистратуру, ординатуру или ассистентуру-стажировку (с учебой по времени ориентировочно три – четыре года). По словам министра науки и высшего образования, все это сопровождается разработкой новых образовательных стандартов, более гибких и нацеленных на практику.

В условиях динамично меняющейся социально-экономической среды Минобрнауки Российской Федерации проявляет явное стремление к пересмотру перечня специальностей, предлагаемых в высших учебных заведениях. Данная необходимость обусловлена как адаптацией образования к актуальным требованиям рынка труда,

так и стремлением к повышению конкурентоспособности отечественных специалистов в глобальном контексте. Исследования показывают, что структура спроса на рабочую силу претерпела значительные изменения, что ставит перед образовательными учреждениями задачу актуализировать подготовку кадров с учетом современных тенденций и вызовов. Одной из ключевых целей данного пересмотра является создание более гибкой и адаптивной модели высшего образования, способной оперативно реагировать на изменения в востребованных профессиях и специальностях. В контексте обозначенных изменений Минобрнауки инициирует пересмотр существующих учебных планов, а также активизирует сотрудничество с представителями бизнеса и индустрии для формирования максимально актуального перечня специальностей (Норов, 2023). Существующая необходимость в более совершенной системе образования призвана не только обеспечить потребности экономики, но и стимулировать инновационное развитие страны, что в конечном итоге будет способствовать повышению качества жизни граждан и социального благосостояния общества.

Первоначально отмечали, что уже с 2025 года произойдет переход на новую систему, но обсуждения еще продолжают-ся, а соответственно и более точные данные возможны только в течении ближайших нескольких лет.

Смена модели образования вызвана не только критикой существующей системы, но и необходимостью адаптации к новым экономическим и социальным условиям, возникающим на фоне глобальных изменений и ситуации в стране. Основные аспекты новой системы высшего образования в России предполагают более глубокую интеграцию образовательного процесса с потребностями рынка труда. Это включает в себя укрепление

связей между вузами и промышленностью, акцент на практическое обучение и стажировки, а также внедрение новых технологий в образовательный процесс. Ожидается, что новые образовательные программы будут более гибкими и смогут быстрее адаптироваться к изменениям в экономике и научных направлениях.

Одной из ключевых инициатив является развитие программ дополнительного образования и переподготовки, что позволит гражданам быстро овладевать новыми навыками и знаниями в ответ на изменения в профессиональных требованиях. Это также включает в себя усиление междисциплинарного подхода в обучении, который станет важным аспектом подготовки специалистов, умеющих работать на стыке различных областей знаний. Помимо этого, планируется усиление национальной составляющей в образовательных программах, акцент на историческом и культурном наследии России, а также внедрение принципов устойчивого развития и экологической ответственности в процессы обучения.

В последние годы в вузах России внедряется новая модель обучения, ориентированная на развитие ключевых компетенций и индивидуализацию образовательного процесса. Основное внимание уделяется практическим навыкам, что достигается через проекты, стажировки и взаимодействие с практическими базами. Применение цифровых технологий способствует гибкому и доступному обучению, позволяя студентам осваивать материалы в удобном для них формате. Обучение становится более интерактивным, с акцентом на командную работу и критическое мышление. Одной из задач является подготовка специалистов, способных адаптироваться

к быстро меняющимся условиям рынка труда и демонстрировать креативный подход к решению профессиональных задач. Как анонсируют эксперты, в ближайшие годы в российских вузах постепенно начнет внедряться новая система обучения на первых двух курсах, где все студенты, вне зависимости от выбранного направления, будут осваивать одинаковый набор базовых дисциплин. Это так называемое «ядро высшего образования», которое должно помочь будущим специалистам получить фундаментальные знания и лучше понять, какое именно направление выбрать для дальнейшей специализации.

К примеру, уже с 2025 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ планируется появление общеакадемического факультета, который объединит в себе те самые фундаментальные курсы – от математики и экономики до правовых основ. На этом «общем блоке» студенты учатся вместе, независимо от того, кто планирует стать юристом, экономистом или политологом. Предполагается, что за первые два года все получат одинаковые базовые знания, а затем – с третьего курса – смогут сосредоточиться на собственной специализации. Зачем нужно «ядро высшего образования»? Смысл в том, что в современном мире профессии быстро меняются, и работодателям важны не только «узкие» навыки, но и умение мыслить широко: понимать основы менеджмента, правовой грамотности, аналитики и так далее. При таком подходе студент после второго курса может четче понять, какая сфера его интересует, и выбрать траекторию обучения, которая соответствует обновленной системе высшего образования. Изменения в РАНХиГС – не уникальный случай⁶.

⁶ Как изменится обучение в вузах с 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://repetitorufa.ru/tpost/lpvkse1pn1-kak-izmenitsya-obuchenie-v-vuzah-s-2025?ysclid=m9aq8ctqp7405127144> (дата обращения 07.03.2025)

В настоящее время государство активно работает над преодолением кризиса в высшем образовании Российской Федерации. Одной из приоритетных задач является обеспечение доступности бесплатного высшего образования и его значимости в обществе. Важным аспектом также является формирование у молодежи уважения к закону и моральным ценностям.

Для достижения этих целей, государство предпринимает конкретные шаги. Создание благоприятных социально-экономических условий для развития системы высшего образования является неотъемлемой частью стратегии. Важную роль в данном контексте играет поддержка образовательных учреждений. Для этого применяются такие меры, как предоставление налоговых и таможенных льгот, а также установление законодательной и имущественной ответственности для учредителей вузов. Однако, необходимо также обращать внимание на соблюдение трудового законодательства, поскольку это имеет ключевое значение для обеспечения стабильности и развития образовательной сферы.

Российское государство стремится, чтобы образование в стране было признано одним из лучших в мире. Для достижения этой амбициозной цели, государство активно участвует в международных образовательных программах и сотрудничает с другими странами (Масалова, 2023). Однако чтобы улучшить образовательную систему, необходимо преодолеть кризис в высшем образовании и продолжить его развитие. Государство принимает меры, которые направлены на решение этих проблем и достижение поставленных целей.

Особое внимание уделяется анализу структуры системы высшего образования и выявлению проблем, с которыми она сталкивается. Это позволит определить

ясные цели, принципы и направления изменений, необходимых для успешной модернизации образовательной системы.

Только путем активного участия в международном образовательном сообществе и осуществления эффективных реформ государство сможет достичь своей цели. Стратегия развития высшего образования представляет собой комплексную программу, направленную на обеспечение качественного и устойчивого роста образовательной системы в соответствии с современными вызовами и требованиями общества. В рамках данной стратегии акцентируется внимание на необходимости интеграции образовательного процесса с рынком труда, что предполагает адаптацию учебных планов и программ к актуальным потребностям экономики, а также формирование компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности выпускников. Ключевым аспектом стратегии является повышение доступности и качества высшего образования для всех социальных групп, что способствует социальной справедливости и равенству возможностей. Важным элементом становится усиление научных исследований и инновационной деятельности в рамках образовательных учреждений, что создает условия для синергии между наукой и образованием. Особое внимание следует уделить развитию цифровых технологий в образовательном процессе, что обеспечивает более широкий доступ к знаниям и способствует гибкости образовательного формата. В конечном итоге, реализация стратегии требует активного сотрудничества между государственными органами, образовательными учреждениями и бизнесом, что позволит создать современную и эффективную систему высшего образования, отвечающую вызовам времени и способствующую развитию общества в целом.

В своем ежегодном Послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости комплексной реформы высшего образования, подчеркивая, что современная система образования должна не только соответствовать требованиям времени, но и активно отвечать на вызовы, с которыми сталкивается страна. По мнению Президента, повышение качества образования является ключевой задачей, которая должна быть решена для обеспечения конкурентоспособности России в глобальном контексте. При этом он отметил, что необходимо адаптировать образовательные программы к реалиям современного рынка труда, что позволит выпускникам быть более востребованными и максимально подготовленными к требованиям предприятий и организаций⁷. В. Путин подчеркнул важность интеграции высшего образования в научные исследования и инновационные разработки, что создаст условия для устойчивого экономического роста. Также значительное внимание было уделено вопросам доступности образования, особенно в контексте поддержки молодых людей из отдаленных и сельских регионов, что должно гарантировать равные возможности для всех граждан. Президент подытожил, что успешная реализация реформы требует активного участия всех заинтересованных сторон – образовательных учреждений, бизнеса и государства, что позволит сформировать качественную и эффективную образовательную систему, отвечающую современным требованиям⁸.

В условиях глобализирующегося мира и стремительного развития технологий государственная политика в сфере высшего

образования Российской Федерации сталкивается с рядом сложных и многогранных проблем, требующих глубокого анализа и проработки. Прежде всего, актуальной представляется необходимость совершенствования механизма взаимодействия между образовательными учреждениями и рынком труда, что напрямую влияет на качество подготовки специалистов, соответствующих современным требованиям.

Кроме того, одной из значимых задач становится обеспечение доступности высшего образования для различных сегментов населения, что в свою очередь требует учета социально-экономических факторов, ограничивающих равный доступ к образовательным услугам. Не менее важной проблемой является необходимость интеграции инновационных методик обучения и цифровых технологий в образовательный процесс, что предполагает как обновление учебных планов, так и повышение квалификации преподавательского состава.

Помимо этого, законодательные и нормативные рамки, регулирующие сферу высшего образования, нуждаются в системном пересмотре и усовершенствовании для достижения более эффективного управления и поддержки образовательных инициатив.

* * *

Государственная политика в сфере высшего образования является ключевым инструментом в формировании образовательной системы и способствует развитию человеческого капитала, интеллектуального потенциала и научного потенциала страны. Данная политика представляет собой динамичную и многогранную

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения 07.03.2025)

⁸ Там же.

систему, направленную на обеспечение устойчивого и качественного развития образовательной среды. Основным выводом является тот факт, что государственная политика в данной области служит основным инструментом для формирования конкурентоспособной образовательной системы, способной удовлетворить требования современного общества и экономики.

Государственная политика в сфере высшего образования основывается на принципах доступности, качества и интеграции образовательных стандартов с потребностями рынка труда, что позволяет гармонизировать интересы студентов, преподавателей и работодателей. Конкретизация стратегий, обеспечивающих инновационное развитие высших учебных заведений, выступает как важнейший аспект данной политики, акцентирующий внимание на необходимости адаптации учебных программ к быстро меняющимся условиям глобального контекста. Особое значение имеет постоянное совершенствование законодательной базы, регулирующей образовательные процессы, что создает условия для реализации

многоуровневой системы образования и повышения уровня профессиональной подготовки выпускников. Таким образом, сущность государственной политики в сфере высшего образования можно трактовать как интеграцию стратегических целей и практических мер, призванных обеспечить качественное развитие образовательной системы в интересах общества и государства.

Хотя процесс реформирования системы образования является сложным и многоэтапным, он обладает потенциалом значительно изменить подход к высшему образованию в России, делая его более современным и ориентированным на потребности общества. Ожидается, что новые инициативы приведут не только к улучшению качества образования, но и к повышению конкурентоспособности российских вузов на международной арене. С такой фокусировкой на актуальных потребностях и современных методах обучения, российская система образования стремится обеспечить подготовку кадров, способных эффективно работать в быстро меняющемся мире.

Received: April 10, 2025

Accepted: June 16, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-8-21

UDC: 369.032

Public Administration / Research article

ESSENCE AND KEY ASPECTS OF STATE POLICY IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evgeniia S. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA. Oktyabrskaya st., 12, Orel, Russia.
E-mail: evgmat-veeva@bk.ru

Ruslan R. Norov, Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management,
Branch of RANEPA. Oktyabrskaya st., 12, Orel, Russia.
E-mail: norov.ruslan1999@yandex.ru

Abstract: The purpose of the article is to analyze the essence and main venues of the state strategy in the field of higher education of the Russian Federation. The relevance of the study is due to rapid changes in the educational environment, the need to adapt the education system to modern labor market requirements and global challenges. In the context of digitalization and international competition, the importance of higher education as a key factor in economic and social development is increasing. State policy in this area should take into account innovative approaches, ensure the availability of high quality education and support scientific research. Analysis of its essence and concepts contributes to the development of strategies aimed at improving the educational infrastructure and increasing the competitiveness of Russian universities in the global arena. The methodology of the research is based on a system approach. Analysis of regulatory legal acts, strategic documents and programs related to higher education allows us to identify the main directions and mechanisms of state policy. Methods of sociological research, such as surveys and interviews with experts in the field of education, help to deepen the understanding of current trends and problems. The authors pay special attention to the role of the state in the formation and development of the higher education system, as well as its influence on educational institutions and the student community as a whole. In the article, the authors rely on current research and data to present an overview of state policy in the field of higher education in the Russian Federation, highlighting the main trends, challenges and prospects for the development of this sector.

Keywords: higher education, state policy in higher education, education system, Bologna system, government bodies, educational institutions

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Bogdanova, A. D. (2024). Sovremennyye problemy vysshego obrazovaniya v Rossii [Modern Problems of Higher Education in Russia]. *Ekonomika i upravleniye v sfere uslug: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: Materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 06 fevralya 2024 goda* [Economics and Management in the Service Sphere: Current State and Development Prospects: Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, February 06, 2024]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy universitet profsoyuzov. P. 104–106. (In Russian)

Botasheva, A. A. & Abdurayimov, K.Kh. (2024). Vyssheye obrazovaniye kak faktor ekonomicheskogo rosta Rossii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Higher Education as a Factor in Russia's Economic Growth: Current Status and Development Prospects]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 107-4, 23–25. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-164 (In Russian)

Malyavkina, N. V. (2024). Osnovnyye priority gosudarstvennoy politiki v sfere obrazovaniya [Main Priorities of State Policy in the Sphere of Education]. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Sbornik nauchnykh statey i dokladov XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Orel, 24 maya 2024 goda* [Human and Civil Rights and Freedoms: Current Problems of Science and Practice: Collection of Scientific Articles and Reports of the XVI International Scientific and Practical Conference, Orel, May 24, 2024]. Orel: Srednerusskiy institut upravleniya – filial RANKhiGS. P. 54–56. (In Russian)

Masalova, Yu. A. (2023). Sistema vysshego obrazovaniya i nauki v Rossii: sostoyaniye, osobennosti modernizatsii, kriterii effektivnosti [The System of Higher Education and Science in Russia: Status, Features of Modernization, Efficiency Criteria]. *Aktual'nyye napravleniya nauchnoy mysli: problemy i perspektivy: Sbornik materialov IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy (natsional'noy) konferentsii, Novosibirsk, 22 dekabrya 2022 goda* [Current Directions of Scientific Thought: Problems and Prospects: Collection of Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical (National) Conference, Novosibirsk, December 22, 2022]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya "NINKH". P. 68–86. (In Russian)

Matveyeva, Ye. S. & Norov, R. R. (2024). Religioznoye (pravoslavnoye) i нравstvennoye vospitaniye molodogo pokoleniya v nauchnom nasledii K. D. Kavelina [Religious (Orthodox) and Moral Education of the Young Generation in the Scientific Heritage of K. D. Kavelin]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 3, 161–172. DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-3-161-172 (In Russian)

Merkulov, P. A. (2024). Reformy antikrizisnogo upravleniya agropromyshlennym sektorom Rossiyskoy Federatsii v 1990-kh godakh: prakticheskaya realizatsiya [Anti-crisis management reforms in the agro-industrial sector of the Russian Federation in the 1990s: practical implementation]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2, 10–23. DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-2-10-23 (In Russian)

Norov, R. R. (2023). Osobennosti reformy Rossiyskoy sistemy vysshego obrazovaniya kak prioriternogo natsional'nogo proyekta sovremennoy Rossii [Features of the reform of the Russian higher education system as a priority national project of modern Russia]. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh statey i dokladov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Orel, 02 iyunya 2023 goda [Human and civil rights and freedoms: current problems of science and practice: collection of scientific articles and reports of the XV International scientific and practical conference, Orel, June 02, 2023]. Orel: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF. P. 147–150. (In Russian)

Norov, R. R. (2024). Reformirovaniye sistemy vysshego obrazovaniya sovremennoy Rossii: problemy i novovvedeniya [eforming the higher education system of modern Russia: problems and innovations]. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Sbornik nauchnykh statey i dokladov XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Orel, 24 maya 2024 goda [Human and Civil Rights and Freedoms: Current Issues of Science and Practice: Collection of Scientific Articles and Reports of the XVI International Scientific and Practical Conference, Orel, May 24, 2024]. Orel: Srednerusskiy institut upravleniya – filial RANKhiGS. P. 166–171. (In Russian)

Obrazovaniye v tsifrakh (2023): 2024: kratkiy statisticheskiy sbornik [Education in Figures: 2024: A Brief Statistical Digest]. T.A. Varlamova, L.M. Gokhberg, O.A. Zorina et al. Moscow: NIU VSHE. 138 p. (In Russian)

Yeliseyev A. L., Titova Ye.V. (2023). Opyt zarubezhnykh stran v praktike realizatsii sovremennoy molodozhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Experience of Foreign Countries in the Practice of Implementing Modern Youth Policy in the Russian Federation]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 1, 64–77. DOI: 10.22394/2225-8272-2023-12-1-64-77 (In Russian)

Литература на русском языке:

Богданова А. Д. (2024). Современные проблемы высшего образования в России. Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития: Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 февраля 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. С. 104–106.

Боташева А. А., Абдурайимов К.Х. (2024). Высшее образование как фактор экономического роста России: современное состояние и перспективы развития. *Тенденции развития науки и образования*. № 107-4. С. 23–25. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-164

Елисеев А. Л., Титова Е.В. (2023). Опыт зарубежных стран в практике реализации современной молодёжной политики в Российской Федерации. *Вестник государственного и муниципального управления*. Т. 12, № 1. С. 64–77. DOI: 10.22394/2225-8272-2023-12-1-64-77.

Малявкина Н. В. (2024). Основные приоритеты государственной политики в сфере образования. *Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: Сборник научных статей и докладов XVI Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 мая 2024 года*. Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. С. 54–56.

Масалова Ю. А. (2023). Система высшего образования и науки в России: состояние, особенности модернизации, критерии эффективности. *Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы: Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической (национальной) конференции, Новосибирск, 22 декабря 2022 года*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». С. 68–86.

Матвеева Е. С., Норов Р. Р. (2024). Религиозное (православное) и нравственное воспитание молодого поколения в научном наследии К. Д. Кавелина. *Вестник государственного и муниципального управления*. Т. 13, № 3. С. 161–172. DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-3-161-172

Меркулов П. А. (2024). Реформы антикризисного управления агропромышленным сектором Российской Федерации в 1990-х годах: практическая реализация. *Вестник государственного и муниципального управления*. Т. 13, № 2. С. 10–23. DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-2-10-23

Норов Р. Р. (2023). Особенности реформы Российской системы высшего образования как приоритетного национального проекта современной России. *Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: сборник научных статей и докладов XV Международной научно-практической конференции, Орёл, 02 июня 2023 года*. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. С. 147–150.

Норов Р. Р. (2024). Реформирование системы высшего образования современной России: проблемы и нововведения. *Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: Сборник научных статей и докладов XVI Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 мая 2024 года*. Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. С. 166–171.

Образование в цифрах (2023): 2024: краткий статистический сборник. Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др. М.: НИУ ВШЭ. 138 с.

Роль ФАО ООН в решении проблемы продовольственной безопасности стран Северной Африки

А.А. НИКУЛЬШИН*

Министерство иностранных дел Российской Федерации
(Россия)

Аннотация

В статье анализируется деятельность ФАО по оказанию помощи странам Северной Африки по преодолению текущего голода, а также глобальных вызовов их продовольственной безопасности. Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан и Тунис сталкиваются с серьезными проблемами в достижении Целей устойчивого развития, не в состоянии самостоятельно обеспечить себя продовольствием вследствие всплеска рождаемости, климатических проблем, острого дефицита инвестиций в сельское хозяйство. Особое внимание уделено роли ФАО в устойчивом управлении водными и земельными ресурсами странами Северной Африки. Исследование опирается на обобщение количественных данных, полученных из официальной статистики ФАО, и метод дискурс-анализа. Программы ФАО в регионе носят как среднесрочный и долгосрочный характер (направленные на аудит водных ресурсов, повторное их использование, устойчивое управление пригодными для сельского хозяйства земельными ресурсами, развитие сельскохозяйственных кооперативов и др.), так и носят характер мер оперативного реагирования (финансовая поддержка аграрной отрасли, предоставление средств на закупку зерна в сезоны неурожая, предоставление посевного материала и др.). Вместе с тем, учитывая глобальный и усиливающийся характер вызовов и угроз продовольственной безопасности стран Северной Африки, усилия международного сообщества не способны их преодолеть в полном объеме. В перспективе для усиления политического влияния России в регионе необходимо учитывать опыт ФАО и выстраивать долгосрочное многоаспектное сотрудничество, которое принесет наибольший эффект.

Ключевые слова

Северная Африка, ФАО ООН, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, устойчивое управление, водные ресурсы, земельные ресурсы

Для цитирования

Никульшин А.А. (2025). Роль ФАО ООН в решении проблемы продовольственной безопасности стран Северной Африки. *Управление и политика*. 2(4). С. 22–30. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-22-30

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Никульшин Александр Андреевич – атташе Посольства Российской Федерации в Королевстве Саудовская Аравия. Саудовская Аравия, 11693, Эр-Рияд, Рахмания, ул. аль-Васити, д. 13, почтовый ящик 94308.
E-mail: alex.nikulshin@yandex.ru

Согласно официальным данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО), представленным в «Statistical Yearbook 2021», в Африке по сравнению с другими регионами мира отмечается наиболее тревожная ситуация с голодом и недоеданием. В 2021 г. доля такого населения в африканском регионе составила 20% – 278 млн чел., что на 51 млн чел. больше, чем в 2019 г.¹ При этом в 2020 г. в мире на 51% снизился урожай зерновых. Северную Африку ФАО наряду с Западной и Центральной Азией относит к числу регионов, испытывающих наибольший «водный стресс».

В Северной Африке предметом внимания ФАО является повышение уровня продовольственной безопасности и ликвидация недоедания. Структурная зависимость стран данного региона от импорта продовольствия, «арабская весна» и гражданская нестабильность, изменения климата делают его уязвимым, увеличивая неспособность целых сообществ прокормить себя.

Анализ ключевых программ ФАО в североафриканском регионе позволит оценить эффективность мер международной гуманитарной помощи в обеспечении продовольственной безопасности Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Судана и Туниса.

Исследование опирается на обобщение количественных данных, полученных из официальной статистики ФАО, и метод дискурс-анализа. Это позволило рассмотреть международные организации (ФАО ООН, африканские и арабские региональные объединения), сотрудничающие государства в рамках глобального коммуникационного пространства с учетом

историко-культурных условий и позиционирования субъектов в мировом социальном пространстве.

Роль ФАО в устойчивом управлении водными ресурсами странами Северной Африки

Водный кризис в странах Северной Африки является одной из глобальных угроз продовольственной безопасности, который вызывает особую озабоченность ФАО, поскольку угрожает не только стабильности региона, но также человеческому развитию и устойчивому росту. Данная международная организация обращает внимание на необходимость обеспечения баланса между продовольственной безопасностью, устойчивым водопользованием и экономическим ростом.

ФАО в рамках принятой в 2015 г. Повестки устойчивого развития на период до 2030 г. одной из своих приоритетных задач ставит поддержку стран в мониторинге водных ресурсов. В этой связи организация разработала систему определения нагрузки на водные ресурсы с целью определения уровня водного стресса в тех или иных регионах и странах мира для разработки мер в области устойчивого управления водными ресурсами, особенно при орошаемом сельскохозяйственном производстве. В 2021 г. ФАО опубликовала подготовленный отделом земельных и водных ресурсов доклад «Progress on Level of Water Stress», в котором приводятся уровни нагрузки на водные ресурсы – «уровни тяжести стресса».

ФАО представила обобщенные данные по уровням водного стресса по регионам и субрегионам, из которых следует, что

¹ Statistical yearbook 2021 / FAO. URL: https://www.fao.org/3/cc2211en/online/cc2211en.html#chapter-3_1 (дата обращения 15.02.2025)

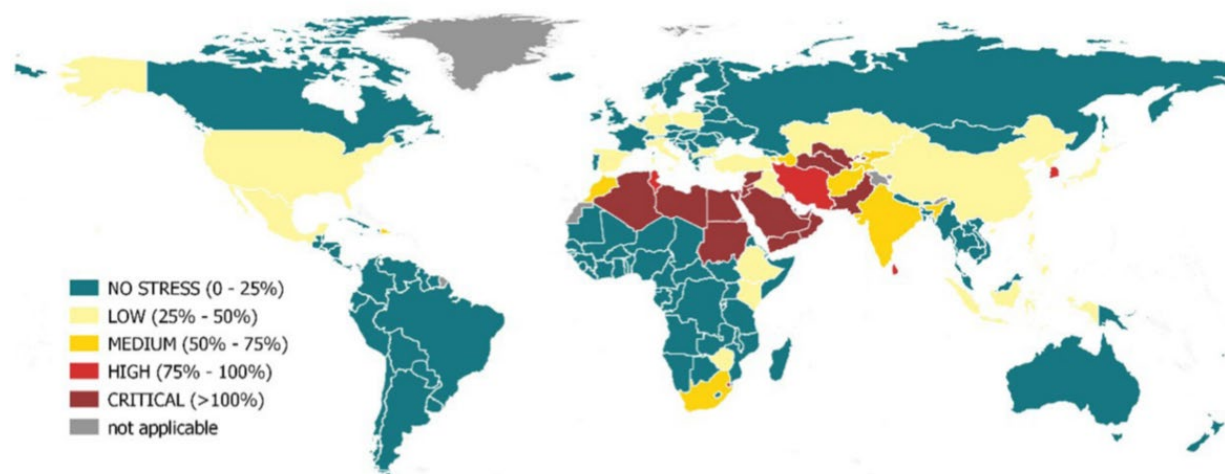

Рис 1. Глобальная карта по уровням водного стресса по странам²

Северная Африка испытывает наибольший по сравнению с другими регионами мира водный стресс, который следует отнести к критическому (Рис. 1).

Для преодоления «водного стресса» в странах Северной Африки ФАО реализует Проект по борьбе с дефицитом воды, нацеленный на «устойчивое управление водными ресурсами для поддержания мира и стабильности и улучшения жизненных условий и благосостояния людей» (далее – Проект).

В Проекте приводятся статистические данные, согласно которым в Алжире, Египте, Ливии, Марокко, Судане и Тунисе запасы пресной воды являются одними из самых низких в мире: за последние 40 лет они сократились на 2/3 и, как ожидается, к 2050 г. сократятся более чем на 50%. 90% общей площади земель в регионе находится в засушливых, полузасушливых и сухих субгумидных районах, в то время как 45% общей площади сельскохозяйственных угодий подвержены засолению, истощению питательных веществ почвы

и ветровой водной эрозии. В то же время сельское хозяйство в регионе использует примерно 85% всей имеющейся пресной воды. Более 60% водных ресурсов в регионе поступает из-за пределов национальных и региональных границ³.

Козинцев А.С. напрямую связывает вододефицит на Ближнем Востоке и в Северной Африке с политической нестабильностью, обосновывая высокую конфликтность в сфере управления водными ресурсами трансграничным расположением речных систем и водоносных слоев (Козинцев, 2021, с. 2).

Дефицит воды в странах Северной Африки наряду с политической и экономической нестабильностью является одним из факторов нехватки собственного продовольствия, усиления голода и, как следствие, роста вынужденной миграции населения.

Проблема управления имеющимися у североафриканских стран водными ресурсами усугубляется неэффективной национальной политикой, которая отчасти

² Progress on level of water stress Global status and acceleration needs for SDG indicator 6.4.2. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/7e6b4f06-f61b-4758-8a0d-9ecb12f00f84/content> (дата обращения 15.02.2025)

³ FAO Regional Office for Near East and North Africa / FAO. URL: <https://www.fao.org/neareast/perspectives/water-scarcity/en/> (дата обращения 15.02.2025)

направлена на их чрезмерную эксплуатацию, не создает стимулов для ограничения потребления воды и ее сохранения.

Проект ФАО включает ряд рекомендаций национальным властям по проведению аудита имеющихся водных ресурсов, потребностей общества в воде и фактического ее использования. Такой аудит должен анализировать предложение и спрос на воду в более широком контексте национальной политики и управления, институтов и финансов. Эти элементы в своей совокупности необходимы для выработки стратегий преодоления нехватки воды. Исходя из результатов аудита, варианты преодоления дефицита воды должны основываться на росте предложения и управлении спросом на воду. В частности, улучшение поставок включает в себя расширение доступа к водным ресурсам, повторное использование дренажных и сточных вод, опреснение воды и борьбу с загрязнением вод. Управление спросом определяется как комплекс актов контролирующих органов, повышение общей экономической эффективности использования воды, внутри и –межсекторальное перераспределение водных ресурсов⁴.

Реализация североафриканскими странами данных рекомендаций ФАО требует переориентации национальной государственной политики и изыскания соответствующих финансовых ресурсов (международной финансовой помощи, выделения средств из государственных бюджетов, привлечения частных инвестиций).

Помимо общих рекомендательных мер правительствам стран Северной Африки,

ФАО принимает практические меры, направленные на борьбу с дефицитом воды. Так, ФАО разработала глобальную информационную систему по водным ресурсам и использованию воды в сельском хозяйстве (AQUASTAT), которая предоставляет свободный доступ к более чем 180 показателям и индикаторам, характеризующим в том числе уровни водного стресса и водопользования по каждой стране, учитывает национальный потенциал⁵.

Кроме того, функционирует портал дистанционного зондирования для повышения производительности воды (WaPOR)⁶, который предоставляет спутниковые данные для мониторинга эффективности использования водных ресурсов в сельском хозяйстве. Данные являются общедоступными, обновляются в режиме реального времени. Целью его разработки является повышение производства сельскохозяйственной продукции при таких же затратах воды.

ФАО организовало партнерство, в которое вошли представители национальных государственных учреждений, международных организаций, научно-исследовательских институтов, правозащитных групп и профессиональных организаций, получившее наименование WASAG – Глобальные рамки по нехватке воды в сельском хозяйстве. Целями деятельности WASAG является разработка и внедрение политики, стратегий и программ адаптации сельского хозяйства к нехватке воды для обеспечения продовольственной безопасности. 17 октября 2024 г. на форуме WASAG была принята Римская декларация о нехватке воды в сельском хозяйстве.

⁴ Coping with water scarcity. An action framework for agriculture and food security / FAO. URL: <https://www.fao.org/4/i3015e/i3015e.pdf> (дата обращения 15.02.2025)

⁵ AQUASTAT – Глобальная информационная система ФАО по водным ресурсам и сельскому хозяйству / FAO. URL: <https://www.fao.org/aquastat/ru/> (дата обращения 15.02.2025)

⁶ WaPOR, remote sensing for water productivity / FAO. URL: <https://www.fao.org/in-action/remote-sensing-for-water-productivity/en/> (дата обращения 15.02.2025)

Отмечается, что нехватка воды в сельском хозяйстве все больше усугубляется климатическим кризисом – одной из крупнейших мировых проблем, затрагивающих глобальную продовольственную безопасность⁷.

Особое внимание в решении проблемы дефицита воды в североафриканском регионе ФАО уделяет эффективному вторичному использованию сточных вод.

В литературе это направление восполнения дефицита воды в странах Северной Африки исследуется довольно широко. Так, С. Асаад и А. Сулейман полагают, что очистка и повторное использование сточных вод могут помочь сохранить водные ресурсы и смягчить проблемы нехватки воды, предлагают шире внедрять опыт Саудовской Аравии, где использование очищенной воды достигает 90% от общего объема воды, производимой для орошения (Asaad & Suleiman, 2023, p. 4)

Российские исследователи отмечают перспективность будущего длительного партнерства России со странами Северной Африки в сфере управления водными ресурсами. В частности, Бабинцева Е.А. полагает, что в нашей стране накоплен многолетний успешный опыт «экологизации потребления водных ресурсов», который может быть полезен североафриканским странам, испытывающим дефицит водных ресурсов. По результатам прошедшей в 2023 г. конференции ООН, посвященной водным ресурсам, Россия выразила готовность оказывать странам Африки поддержку в решении проблем вододефицита. Автор отмечает уже существовавший плодотворный опыт сотрудничества в данной сфере в период существования СССР (Бабинцев, 2023, с. 1)

Роль ФАО в устойчивом управлении земельными ресурсами странами Северной Африки

Международные институты уделяют все больше внимания устойчивому управлению земельными ресурсами, пригодными для сельскохозяйственного производства в странах Северной Африки (Номе, 2024, р. 6). Так, ФАО было создано Глобальное почвенное партнерство, в рамках которого с 2012 г. работает региональное Почвенное партнерство Ближнего Востока и Северной Африки. Что немаловажно – внутри Партнерства представлены отделение по Ближнему Востоку и отделение по Северной Африке. В последнее вошли североафриканские страны – Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис.

Партнерство направлено на содействие обмену знаниями и данными, преодоление проблем продовольственной безопасности, усиление секвестрации углерода, деградации земель, а также поощрению защиты окружающей среды и методов устойчивого управления почвами для смягчения последствий и адаптации к изменяющемуся климату. В этой структуре национальные потребности и приоритеты обобщаются на региональном уровне, включаются в конкретный план действий, решаются вопросы его финансирования.

Почвенное партнерство Ближнего Востока и Северной Африки привлекает к участию в своих заседаниях представителей регионального отделения ФАО для Ближнего Востока и Северной Африки, Арабского центра исследований засушливых зон и засушливых земель (ACSAD).

Почвенное партнерство Ближнего Востока и Северной Африки реализует

⁷ Outcomes of the High-Level Rome Water Dialogue on WASAG – The Global Framework on Water Scarcity in Agriculture 17 October 2024 / FAO. URL: <https://www.fao.org/wasag/news/outcomesofthehigh-levelromewaterdialogueonwasag/en/> (дата обращения 15.02.2025)

конкретные меры, способствующие устойчивому управлению земельными ресурсами странами Северной Африки. В частности, функционирует международная сеть почвенных информационных учреждений, в том числе Североафриканская почвенная лаборатория, Международные сети почвенного биоразнообразия, по анализу удобрений, по загрязнению почвы и др.⁸

Следует отметить, что опыт работы Почвенного партнерства Ближнего Востока и Северной Африки ФАО оказал влияние на создание в 2016 г. региональной международной организации «Арабская земельная инициатива», имеющей аналогичные цели деятельности - решение ключевых проблем управления земельными ресурсами путем расширения координации, сотрудничества, обмена знаниями и информацией между организациями и учреждениями, действующими в регионе.

Программы ФАО в отдельных странах Северной Африки

Как кризисную оценивает ФАО ситуацию с продовольствием в Судане, сложившуюся в 2022–2023 гг. в связи с политической нестабильностью, массовым перемещением населения, перебоями в торговле, резким ростом цена продовольствие и топливо. Проблема активно обсуждается в зарубежной литературе (Moszynski, 2009, p. 7; Murphy, 2024, p. 8).

В Судане ФАО взаимодействует с 14 государственными учреждениями, государственными органами и лидерами местных

общин, а также десятками национальных партнеров исполнителей⁹. Для снижения кризиса продовольственной безопасности в июне-июле 2023 г. ФАО предоставила фермерам 14-ти штатов Судана посевной материал - семенами зерновых (сорго, просо) и бамия, что позволили впоследствии произвести до 3 млн тонн зерновых.

В других странах региона (Алжире, Египте, Марокко, Тунисе, Ливии), где после «арабской весны» пошло уже достаточно времени, и ситуация характеризуется политической стабильностью, ФАО осуществляет свою деятельность, которая направлена на достижение повестки в отношении Целей устойчивого развития на период до 2030 г.

Так, аграрные производители североафриканских стран, как правило, представляют собой семьи, которые приспособляются к имеющимся водным и земельным ресурсам, часто применяют традиционные методы производства аграрной продукции без использования новых технологий (Краснова, 2008, с. 3). В целях адаптации новых экономических форм ведения сельского хозяйства к существующему патриархальному (семейному) укладу ФАО разработала общедоступную Платформу знаний о семейных фермерских хозяйствах, на которой представлена информация о национальных законах, мерах государственной политики, наиболее эффективных формах и методах работы, соответствующие статистические данные, результаты исследований, статьи и публикации¹⁰.

⁸ Report of the eighth meeting of the Near East and North African Soil Partnership. Muscat, Oman, 7–8 March 2023. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/6a72e4d7-6d7f-4661-b6c3-c985e0517ba4/content> (дата обращения 15.02.2025)

⁹ Sudan: acute food insecurity sparked by the ongoing crisis is set to escalate in coming months / FAO. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/sudan--acute-food-insecurity-sparked-by-the-ongoing-crisis-is-set-to-escalate-in-coming-months/ru> (дата обращения 15.02.2025)

¹⁰ Global Farmer Field School Platform / FAO. URL: <https://www.fao.org/farmer-field-schools/ffs-overview/ru/> (дата обращения 15.02.2025)

В январе 2025 г. в Марокко ФАО провело региональное совещание по развитию кооперативов и других форм коллективных хозяйств в целях преобразования сельских и агропродовольственных систем, которые должны стать ключевыми субъектами для достижения продовольственной безопасности стран североафриканского региона¹¹. ФАО организовала проведение мероприятия в том числе на базе отдельных сельскохозяйственных кооперативов Марокко, что способствовало максимальному погружению в конкретные проблемы аграриев.

В Алжире ФАО в 2024–2025 гг. реализует операции по поддержке развития и сохранения местных семян овощей, развития молочного производства, создания и управления рыболовными кооперативами, устойчивого управления национальными природными экосистемами.

При поддержке ФАО в марте 2023 г. в Алжире создано независимое Агентство для ускорения реализации политики опреснения морской воды с целью обеспечения 60% потребностей в питьевой воде за счет опреснения морской воды к 2030 году, что позволит сократить зависимость страны от морской воды для обеспечения водной безопасности. Агентство координирует реализацию проекта, обеспечивая распределение производимой пресной воды.

В декабре 2024 г. Министерство планирования Ливии запустило разработку первой в истории страны национальной стратегии комплексного управления водными ресурсами, которая учитывает

сильную зависимость страны от грунтовых вод, неэффективное использование воды, направлена на обеспечение безопасности страны в условиях растущего воздействия изменений климата и спроса на воду¹².

* * *

Проведенное исследование роли ФАО в обеспечении продовольственной безопасности стран Северной Африки позволяет констатировать, что в целом данная международная организация эффективно решает поставленные задачи, которые намечены в повестке достижения целей устойчивого развития до 2030 г., активно сотрудничает с другими международными институтами. Программы ФАО в регионе носят как среднесрочный и долгосрочный характер (например, направленные на аудит водных ресурсов, повторное их использование, устойчивое управление пригодными для сельского хозяйства земельными ресурсами, развитие сельскохозяйственных кооперативов и др.), так и носят характер мер оперативного реагирования (финансовая поддержка аграрной отрасли, предоставление средств на закупку зерна в сезоны неурожая, предоставление посевного материала и др.).

Вместе с тем, учитывая глобальный и усиливающийся характер вызовов и угроз продовольственной безопасности стран Северной Африки, усилия международного сообщества не способны преодолеть их в полном объеме. Стратегии преодоления климатических изменений, дефицита воды, опустынивания, нормализация политической ситуации в стране – скорее,

¹¹ FAO and ICA empower cooperatives and other forms of collective action to transform agrifood systems across the Near East and North Africa (NENA) / FAO. URL: <https://www.fao.org/neareast/news/details/fao-and-ica-empower-cooperatives-and-other-forms-of-collective-action-to-transform-agrifood-systems-across-the-near-east-and-north-africa/en>

¹² Libya announces the launch of the National Water Security Strategy formulation process. URL: <https://www.undp.org/libya/news/libya-announces-launch-national-water-security-strategy-formulation-process>

задачи национальных властей, которые зарубежными странами и международными институтами вряд ли эффективно решаемы.

Кроме того, представляется, что в перспективе для усиления роли России в обеспечении продовольственной

безопасности стран Северной Африки и, как следствие, усиления ее политического влияния в регионе, необходимо выстраивать среднесрочное и долгосрочное сотрудничество, которое принесет наибольший эффект.

Received: March 23, 2025

Accepted: June 16, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-22-30

UDC: 369.032, 327

Public Administration / Research article

ROLE OF FAO IN ADDRESSING FOOD SECURITY CHALLENGES IN NORTH AFRICAN STATES

Alexander A. Nikulshin, Attaché of the Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Saudi Arabia. P.O.Box 94308 Riyadh 11693, Al-Wasiti str., Rahmania, bld. 13, Saudi Arabia.
E-mail: alex.nikulshin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes FAO's efforts to assist North African countries in overcoming current famine conditions and addressing broader threats to their food security. Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Sudan, and Tunisia face significant challenges in achieving the Sustainable Development Goals, primarily due to rapid population growth, climate-related impacts, and acute underinvestment in agriculture. Special attention is given to FAO's role in promoting sustainable water and land resource management in the region. The study utilizes quantitative data from official FAO statistics and discourse analysis. FAO's initiatives include both medium- and long-term programs (such as water resource assessments, promoting water reuse, sustainable agricultural land management, and developing agricultural cooperatives) and immediate response measures (including financial assistance to agriculture, emergency grain purchases during lean periods, and seed provision). Nevertheless, considering the escalating and global nature of food security threats, international community efforts alone cannot fully resolve these challenges. To enhance Russia's political influence in the region, it is essential to leverage FAO's expertise and establish comprehensive, long-term partnerships for maximum impact.

Keywords: North Africa, FAO UN, food security, agriculture, sustainable management, water resources, land resources

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Asaad, S. & Suleiman, A. (2023). Socio-demographic Factors and Treated Wastewater Reuse in the MENA Region: Insights and Implications. *Desalination*, 565, 116830.

Ghebreyesus, T. A. (2024). Sudan is Facing a Devastating Humanitarian Crisis – the World Must Do More to Protect the Population's Health. *British Medical Journal*, 385. DOI: 10.1136/bmj.q864

Home, R. (2024). Land Governance and Environmental Management in the Middle East and North Africa (MENA) Region. *Journal of Sustainable Development Law and Policy (The)*, 15(2), 1–23.

Moszynski, P. (2009). Fighting and Lack of Rain Result in Mounting Crisis in Southern Sudan. *British Medical Journal*, 339. DOI: 10.1136/bmj.b3792

Murphy, D. (2024). Sudan: Urgent action is needed to avoid famine, warn agencies. *British Medical Journal*, 385. DOI: 10.1136/bmj.q1105

Shams, S. H., Sokout, S., Nakajima, H., Kumamoto, M., & Khan, G. D. (2024). Addressing Food Insecurity in South Sudan: Insights and Solutions from Young Entrepreneurs. *Sustainability*, 16(12), 5197.

Babinceva, E. A. (2023). Upravlenie vodnymi resursami Afriki [Water Resources Management in Africa]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*, 3. (In Russian)

Kozincev, A. S. (2021). Vodnaya bezopasnost' na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike: novye grani staroj problemy [Water Security in the Middle East and North Africa: New Facets of an Old Problem]. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 1 (45). (In Russian)

Krasnova, N. V. (2008). Potrebnosti naseleniya arabskogo regiona v vodnyh resursah [Water Resources Needs of the Arab Region Population]. *Ekonomika i upravlenie*, 1. (In Russian)

Литература на русском языке:

Бабинцева Е. А. (2023). Управление водными ресурсами Африки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. Т. 10. №. 3. С. 434–449. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-434-449

Козинцев А. С. (2021). Водная безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке: новые грани старой проблемы. *Экономические и социальные проблемы России*. №. 1 (45). С. 88–105.

Краснова Н. В. (2008). Потребности населения арабского региона в водных ресурсах. *Экономика и управление*. №. 1. С. 211–213.

Политика памяти в регионе Курдистан-Ирак

А.А. АСЫЛГУЖИНА*

Институт востоковедения РАН (Россия)

Аннотация

В статье рассматривается реализация политики памяти в регионе Курдистан-Ирак, основные события, используемые в этой политике, а также их интерпретация в решении текущих политических задач. Особое внимание уделено анализу официальных заявлений политических лидеров региона как одному из главных способов взаимодействия властей и общества. События, используемые в политике памяти, рассмотрены в историческом контексте. Отдельно проанализирована монументальная политика. Приоритетными для политики памяти являются события, связанные с борьбой за национальные права и репрессивными мерами властей против курдов и населения Курдистана. Особое внимание власти уделяют роли всех этнорелигиозных общин и частей общества Курдистана в вышеперечисленных событиях. Автор приходит к выводу, что политика памяти в иракском Курдистане служит трем основным задачам: легитимации собственной власти, сплочению многокомпонентного общества и формированию отношения к центральному правительству в зависимости от текущих интересов властной элиты. Выяснено, что акцент делается на уникальном историческом опыте Курдистана, без общей памяти с остальным Ираком, что способствует формированию собственной национальной идентичности региона и подчеркивает роль всех народов и общин Курдистана. Таким образом, в кризисные периоды и в спорных вопросах политика памяти является эффективным инструментом в формировании в общественном мнении необходимого настроения посредством обращения к коллективной памяти.

Ключевые слова

Курдистан, Ирак, правительство региона Курдистан, политика памяти, мемориальная политика, Курдистан-Ирак

Для цитирования

Асылгужина А.А. (2025). Политика памяти в регионе Курдистан-Ирак. *Управление и политика*. 2(4). С. 31–42. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-31-42

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Асылгужина Арина Альбертовна – соискатель Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН. 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
E-mail: ayamyka@gmail.com

Регион Курдистан-Ирак – это автономный регион в Ираке, административно включающий в себя четыре провинции – Эрбиль, Сулеймания, Дахук и Халабджа (ранее входила в состав провинции Сулеймания). Ирак, согласно Конституции 2005 г., административно делится на регионы, включающие в себя провинции, и провинции, не входящие в регионы. Хотя Конституция допускает создание регионов из провинций, на данный момент в Ираке существует только один регион – Курдистан. Он имеет собственную законодательную, исполнительную и судебную власти, а также силы безопасности, самостоятельно развивает экономические, политические, культурные и образовательные связи со странами мира.

Чтобы добиться реализации всех этих прав иракские курды прошли долгий путь борьбы. Часть Курдистана, отошедшая после раздела Османской империи к созданному государству Ирак, всегда имела сложные отношения с Багдадом. Иракские курды, которым еще в Севрском мирном договоре была обещана возможность присоединения к независимому курдскому государству, были политически активны, в то время как власти в Багдаде не предоставляли им возможность реализовывать свои права, что вкупе с неудовлетворяющей экономической ситуацией вызывало периодические восстания в курдских районах.

В 1958 г. после свержения монархии в Ираке была принята временная конституция, впервые провозгласившая равенство курдов и арабов, однако противостояние между курдами и багдадским правительством возобновилось в 1961 г. и продолжалось до 1970 г., когда было подписано соглашение, ключевым пунктом которого стало создание курдской автономии. Создание Курдского автономного

района в 1974 г. снова не принесло устойчивого мира, и правительство в дополнение к прямому противостоянию с курдским национальным движением стало использовать новые методы борьбы. Баасисты пытались изолировать их от курдов Турции и Ирана, лишить помощи и поддержки извне и изменить национальный состав иракского Курдистана. Районы и населенные пункты с курдским населением, особенно приграничные, разрушались и уничтожались, проводилась политика арабизации. В ходе ирано-иракской войны правительственная армия совершала нападения на курдское население, применяла химическое оружие.

В 1991 г. курды вновь подняли восстание, а Соединенные Штаты ввели над территорией Курдистана бесполетную зону, лишив тем самым Саддама Хусейна контроля над ней. В условиях политического и административного вакуума в 1992 г. политические силы Курдистана провели выборы в парламент. Было сформировано региональное правительство. Курдский автономный район стал регионом Курдистан.

После свержения режима Саддама Хусейна курды приняли активное участие в построении нового Ирака. В Конституции Республики Ирак 2005 г. курдский язык стал официальным наравне с арабским на всей территории страны; Курдистан вместе с существующими там властями признавался федеральным регионом; признавались все законы, изданные властями Курдистана в период с 1992 г.; в регионе сохранялась исполнительная, законодательная и судебная власть; правительство региона сохранило внутренние силы безопасности.

В настоящее время между Багдадом и Эрбилем есть ряд нерешенных вопросов, главными из которых является экспорт и распределение доходов от добычи

нефти, доля Курдистана в иракском бюджете, выплата зарплат госслужащим Курдистана, а также статус спорных между Эрбилем и Багдадом территорий. В то же время сохраняются противоречия внутри самого Курдистана по поводу политического курса автономного региона и распределения мест на ключевых постах. Регион фактически поделен на сферы влияния двух партий, причем каждая из них имеет собственные силы безопасности.

Такое положение в регионе в дополнение к пестрому этнорелигиозному составу населения (в регионе помимо курдов проживают туркоманы, арабы, армяне и ассирийцы (Барзани, 2024, с. 193)) ведет к фрагментации общества и соответственно ослабляет его перед лицом постоянных вызовов извне. В таких условиях связующим звеном между всеми частями общества может стать память об общем прошлом, героическом и действительно трагическом, но которое намеренно героизируется, чтобы некоторые события приобрели значение национальных символов, консолидирующих представителей различных слоев населения. В этом случае политическая элита может целенаправленно использовать инструмент памяти о прошлом в целях укрепления общества, его гомогенизации и формирования собственной национальной идентичности. Деятельность властей и других акторов, направленная на утверждение каких-либо представлений о прошлом, формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики и законодательного регулирования (Малинова, 2018, с. 33), мы будем именовать политикой памяти. Анализ речей и посланий властей региона, а также отмечаемых ими годовщин позволяет выявить наиболее важные для политики памяти исторические события и определить их интерпретацию.

Сентябрьская революция 1961 г.

Монархическому периоду истории Ирака власти региона не уделяют особого внимания в своей политике памяти, и первым в хронологической последовательности событием является Сентябрьская революция 1961 г.

После свержения монархии в Ираке в 1958 г. была принята временная конституция 1958 г., провозгласившая равенство курдов и арабов. Лидер курдского национального движения Мустафа Барзани со своими товарищами, с 1947 г. находившийся в СССР, вернулся в Ирак. С принятием Закона о партиях и организациях (1 января 1960 г.) политические партии получили возможность действовать легально. Демократическая партия Курдистана (ДПК), единственная на тот момент партия иракского Курдистана, объявила своей главной целью достижение автономии курдов в рамках единой, при этом демократической, Иракской республики.

Правительство Абделькерима Касема с течением времени стало игнорировать требования курдов о предоставлении им национальных прав под предлогом обеспечения единства Ирака. В конце 1960 г. антикурдская политика иракских властей приняла открытый характер: члены ДПК подвергались гонениям и террору, в печати была развернута антикурдская кампания, звучали призывы к ассимиляции курдского народа. В марте 1961 г. по приказу МВД был закрыт центральный орган Демократической партии Курдистана (ДПК) и офисы в иракских городах. Правительство стало увольнять курдов из армии и с государственной службы.

ДПК старалась избежать эскалации, направила Абдулкариму Касему меморандум с призывом положить конец

Согласно нему курдский язык должен быть объявлен официальным в районах, где курды составляли большинство населения; должно быть введено обучение на курдском языке, а в конституцию внесены поправки, объявляющие иракскую нацию состоящей из двух основных народов: курдов и арабов. Но самым важным пунктом соглашения было решение о предоставлении курдам автономии.

Предполагалось, что закон об автономии будет разработан совместно, но на протяжении последующих четырех лет отношения между Барзани и правительством в Багдаде ухудшались, и 11 марта 1974 г. Багдад в одностороннем порядке опубликовал закон об автономии, который не соответствовал вышеупомянутым положениям и не устраивал курдов. Закон о самоуправлении района Курдистан-Ирак (араб. *العراق قانون الحكم الذاتي لمنطقة كردستان*) определил границы района по переписи 1957 г. (хотя курды настаивали на проведении новой переписи и определении границ района по обновленным данным), при этом не упоминая названия конкретных провинций. В законе не было пункта о финансовом обеспечении автономии (ДПК предлагали выделить Курдистану из бюджета часть, пропорциональную численности его населения). Столицей района объявлялся город Эрбиль. Важный для курдов Киркук в автономию не вошел, хотя Мустафа Барзани настаивал на объявлении этого города ее столицей. Курдский язык стал официальным языком в районе наряду с арабским.

В отношении мартовского соглашения 1970 г. политика памяти в Курдистане строится следующим образом:

1) соглашение 1970 г. – продолжение и наибольшее достижение Сентябрьской революции. Оно стало основой для последующих достижений курдского народа;

2) соглашение заставило иракское правительство признать права курдского народа;

3) курдский народ всегда настаивал на мирном решении проблем, но был вынужден «прибегать к помощи оружия, чтобы восстановить права, которых он был лишен»²;

4) соглашение стало победой всех этнических и религиозных общин Курдистана, всех социальных классов, революционеров, ДПК и пешмерга (так называют курдских бойцов самообороны), боровшихся за «сосуществование, партнерство, справедливость и мир»³;

5) несмотря на подписание соглашения, иракскому правительству вновь не удалось существовать в мире с курдами.

Мартовское соглашение как событие, завершившее Сентябрьскую революцию, повторяет ее концепты в контексте политики памяти, но важным дополнением здесь является упоминание того, что иракское правительство не сдержало своих обещаний, реализовало не все пункты соглашения, а затем вновь вступило в конфликт. Акцент на несдержанных обещаниях может быть полезен в условиях противостояния между властями в Эрбиле и Багдаде в качестве наглядного

² پهيامی د. ههمن ههوارمی لهیادی رێککهوتننامهی 11 ی ئازار و راپهرینی شاری ههولێر پههلهمانی کوردستان – عێراق. [Message of Dr. Hemin Hawrami on the anniversary of the March 11 agreement and the Erbil uprising. *Kurdistan Parliament - Iraq*. 11.03.2021. (In Kurd.)] URL: <https://www.parliament.krd/news/posts/2021/march/payami-dhemn-h-la-ydi-r11-azar-u-raparin/> (дата обращения 13.03.2025)

³ پهيامی سهروك بارزانی به پۆنهی پهنجای دووهمین سالیادی رێککهوتننامهی یازدهی ئادار *Kurdistan TV*. [Message of President Barzani on the 52nd Anniversary of the March 11 Agreement. *Kurdistan TV*. 11.03.2022 (In Kurd.)] <https://kurdistantv.net/ku/news/163026> (дата обращения 13.03.2025)

исторического примера, почему общество и власти не должны доверять центральному правительству, а только своим лидерам, всегда боровшимся «за сосуществование, партнерство, справедливость и мир».

События в Курдистане при баасистах

В 1974 г. конфликт между ДПК и Багдадом вспыхнул вновь, и 24 апреля 1974 г. иракская авиация совершила налет на небольшой город Каладзе провинции Сулеймания. Целью атаки был выбран центр города, где находилось здание, переоборудованное в университет (там временно размещался Сулейманийский университет), больница и школа. В результате погибло и пострадало более 100 чел., большинство из которых были дети, женщины и студенты⁴.

Была введена экономическая блокада Курдистана, армия совершала налеты на курдские деревни, сжигала урожай на полях и разграбляла имущество и скот. Власти депортировали и насильственно переселяли курдов, заподозренных в сочувствии курдскому национальному движению. 23 марта 1975 г. Мустафа Барзани решил прекратить курдскую революцию, лишившись помощи со стороны Ирана (заключившего Алжирское соглашение с Ираком, согласно которому Ирак сделал территориальные уступки в пользу Ирана в обмен на прекращение поддержки курдов). Иракские власти начали создавать «пояс безопасности» в Курдистане – уничтожать деревни вдоль границы с Ираном и Турцией и депортировать местное население в специальные лагеря или на юг Ирака. Проводилась политика арабизации – выселения из курдских районов их жителей и заселения на их место арабского населения.

В 1980 г. нападениям иракских властей подверглись курды-фейли – этнорелигиозная группа, жившая в основном в Багдаде и занимавшаяся коммерческой и банковской деятельностью (они заняли место еврейской общины в экономической жизни Ирака). Курды-фейли были шиитами, переселившимися из Ирана, и в османское время не принимали османское подданство, чтобы избежать службы в армии. Впервые они пострадали от рук баасистов в 1970 г.: некоторые представители деловой и коммерческой элиты были арестованы, лишены документов и депортированы. Их имущество было передано баасистам (Ihsan, 2016, p. 64). Незадолго до начала ирано-иракской войны в апреле 1980 г. после покушения представителя общины курдов-фейли на заместителя премьер-министра Ирака Саддам Хусейн внес поправки в законы о гражданстве и издал Указ № 180, запрещавший лицам иранского происхождения подавать заявления на получение гражданства. Это привело к массовой депортации курдов-фейли из Ирака. После был издан Указ № 666, согласно которому можно было лишить гражданства всех иракских граждан иностранного происхождения, заподозренных в нелояльности государству. Более 50 тыс. чел. были депортированы в Иран, а всего с 1971 по 2003 гг. ок. 100 тыс. курдов-фейли были депортированы или пропали без вести (Ihsan, 2016, p. 69).

С 1975 по 1990 гг. Багдад различными способами старался изменить национальный состав иракского Курдистана, подавить курдов и «превратить их в национальное меньшинство, лишенное собственной территории» (Лазарев, Мгои и др., 1999, с. 436). Страдали и другие этнорелигиозные группы, если выбирали считать себя курдами (в то время по Конституции Ирак

⁴ Kurdistan Review. No. 1, November 1974. P. 6.

состоял только из двух народов – курдов и арабов). С 1975 г. баасистские власти депортировали представителей племени Барзани на юг Ирака или в специальные лагеря, уничтожив места их проживания. Эти лагеря, расположенные в безлюдных районах и лишённые всех удобств, находились под наблюдением органов безопасности. Все передвижения проживавших там людей строго отслеживались, они не могли покинуть их без предварительного письменного разрешения. Мужчин насильно вербовали в солдаты, а детей и подростков – в баасистские организации.

В 1983 г. мужчины из племени Барзани, по некоторым данным, были похищены Службой общей безопасности Ирака (مديرية الأمن العام) в обстановке строжайшей секретности (Ihsan, 2016, p. 84). Это спецподразделение окружило лагеря Аль-Кудс, Аль-Кадисия и Куштаппа, мужчины из семей Барзани старше 15 лет были арестованы и вывезены в сопровождении военных. Позднее аналогичная операция была проведена в лагерях в Бахарке, Харире и Диане. Мужчин арестовали и доставили на армейских автобусах в Багдад, а оттуда в провинцию Аль-Мутанна. 8 тыс. человек из племени Барзани были убиты или пропали без вести (Барзани, 2024, с. 39). С 2005 г. по сегодняшний день проводятся поиски массовых захоронений в пустынях на юге Ирака, эксгумация тел и их перезахоронение в Курдистане.

В 1988 г. иракскими властями была проведена самая смертоносная операция в отношении курдского населения. Она носила название «Анфаль» и унесла жизни 182 тыс. чел (Барзани, 2024, с. 39). С 23 февраля по 6 сентября 1988 г.

баасистские власти провели восемь этапов этой операции, причем семь из восьми были направлены на районы, находившиеся под контролем ПСК. Кампания проводилась при участии большинства государственных органов и активно пропагандировалась. Курды изображались предателями Ирака и ислама⁵. Каждый этап Анфаля следовал примерно по одному и тому же сценарию: химическая атака с воздуха как по гражданским целям, так и по бойцам пешмерга, нападение наземных войск, окружение заданной территории, разграбление, уничтожение жилых домов и захват местного населения с последующей его отправкой в специальные лагеря.

В июне 2007 г. Верховный уголовный суд Ирака объявил кампанию Анфаль геноцидом и постановил, что иракское правительство должно выплатить компенсацию жертвам.

Отдельное место в политике памяти занимают инциденты с химическими атаками на Курдистан. 15 апреля 1987 г. иракские самолеты сбросили отравляющий газ на штаб-квартиру ДПК в Зева Шкане в провинции Духок и на штаб-квартиру ПСК в деревнях Сергалу и Бергалу в провинции Сулеймания. На следующий день химическим атакам подверглись деревни Шейх Васан и Балисан, погибло более 100 чел., большинство из которых женщины и дети. Эти инциденты стали первыми в череде из по меньшей мере 40 задокументированных химических атак на Курдистан⁶.

Самый вопиющий случай применения химического оружия против населения Курдистана произошел 16 марта 1988 г. в г. Халабджа. Город расположен недалеко

⁵ Human Rights Watch. Genocide In Iraq. The Anfal Campaign Against the Kurds. A Middle East Watch Report. 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/ANFALINT.htm> (дата обращения 13.04.2025)

⁶ Ibid.

от иранской границы и находился на тот момент под иранским влиянием (продолжалась ирано-иракская война). 15 марта иракское правительство начало отключать электричество, воду и телефонные линии в городе. На следующий день иракская армия атаковала его с земли и с воздуха, а также применила химическое оружие, убив 5 тыс. и ранив 15 тыс. мирных жителей (Ihsan, 2016, p. 127).

Памяти каждого из этих событий уделяется отдельное внимание, однако основные тезисы в политике памяти несут похожий смысл:

1) цель всех совершенных деяний – «геноцид курдского народа и стирание его идентичности»⁷;

2) конституционные права Курдистана – это награда народу за все его жертвы и страдания, перенесенные в 1970-1980-х гг.;

3) необходимо сохранять национальное единство и продолжать отстаивать права жертв и их семей⁸.

События 1970-80-х гг., «совершенные режимом Саддама Хусейна против народа Курдистана», являются одними из самых значимых в политике памяти властей Курдистана, поскольку служат сразу нескольким целям: легитимации власти (правительство Курдистана как продолжение курдского национального движения)

и дискредитации конкурентов в лице центрального правительства, которое до сих пор не выплатило обещанные компенсации жертвам и семьям пострадавших. Кроме того, хотя нынешние власти не совершали всех тех преступлений, в отношении которых сформирована эта политика памяти, память о них формирует в обществе недоверие к центральным властям, не раз нарушавшим договоренности в отношении курдского народа и Курдистана.

Наглядным подтверждением использования политики памяти в целях легитимации собственной власти и дискредитации центрального правительства является речь президента Курдистана Масуда Барзани в 2017 г. (год проведения референдума о независимости Курдистана) по случаю годовщины кампании «Анфаль» в отношении Барзани. Масуд Барзани заявил, что население Курдистана, «несмотря на все произошедшие с нами трагедии, было готово вернуться в Багдад, открыть новую главу отношений и жить вместе в братстве и демократии»⁹, но «партнеры» только «разрушили 4 500 наших деревень, убили 182 000 наших людей, в основном женщин и детей, и применили химическое оружие»¹⁰, поэтому единственным выходом является движение к независимости. События служат сплочению общества автономного региона, поскольку представляют ясную

⁷ په‌يامی سه‌رۆکی حکومه‌تی هه‌ریمی کوردستان له (3 6) هه‌مین سالیادی کیمیابارانی هه‌له‌بجه-حکومه‌تی هه‌ریمی کوردستان [Message of the Prime Minister of the Kurdistan Regional Government on the 36th Anniversary of the Chemical Attack on Halabja. *Kurdistan Regional Government*. 16.03.2024. (In Kurd.)] URL: <https://gov.krd/government/the-prime-minister/activities/posts/2024/march/په‌يامی-سه‌رۆکی-حکومه‌تی-هه‌ریمی-کوردستان-له-هه‌مین-سالیادی-کیمیابارانی-هه‌له‌بجه> (дата обращения 13.03.2025)

⁸ نه‌نجومه‌نی دادوهریی هه‌ریمی کوردستان . په‌يامی سه‌رۆکی نه‌نجومه‌نی دادوهریی هه‌ریمی کوردستان له‌سالیادی نه‌نفالدا [Message of the President of the Judicial Council of Kurdistan on the anniversary of Anfal. *Judicial Council of Kurdistan*. 14.04.2025 (In Kurd.)] URL: <https://krjc.org/Default.aspx?page=article&id=61874&l=3> (дата обращения 09.05.2025)

⁹ به‌ئاماده‌بوونی سه‌رۆکی هه‌ریمی کوردستان مه‌راسیمی ٣٤ سالی نه‌نفالی بارزانییه‌کان به‌رێوه‌چوو. سه‌رۆکییه‌تی [The 34th anniversary of the Anfal of the Barzanis was commemorated in the presence of the Kurdistan Regional Government President. *Kurdistan Region Presidency*. 31.07.2017 (In Kurd.)] URL: <https://presidency.gov.krd/krp/kurdish/articledisplay.aspx?id=cGWMVNpxrwk=> (дата обращения 13.03.2025)

¹⁰ Ibid.

картину «свой-чужой», которую легко воскресить в коллективной памяти общества и направить на политические нужды сегодняшнего дня. Есть «мы» – различные слои общества и этнорелигиозные общины Курдистана, пострадавшие от действий центральных властей, и есть «они» – те, кто хотел геноцида курдского народа и его полного подчинения.

Наконец, память об Анфале и Халабдже важна для властей Курдистана не только в контексте политики памяти, но в текущей работе, поскольку правительство региона Курдистан настаивает на полной выплате всех компенсаций жертвам и их семьям, наказании виновных и поиске без вести пропавших и мест массовых захоронений жертв режима Саддама Хусейна. Представители власти иракского Курдистана всегда принимают участие в церемониях возвращения тел жертв иракского режима и их перезахоронении в Курдистане.

Восстание 1991 г.

Еще одной важной исторической вехой, заложившей основы существования правительства Курдистана, является восстание 1991 г. Воспользовавшись поражением баасистского режима в Кувейте и благосклонным отношением США и их союзников по коалиции (Лазарев, Мгой и др., 1999, с. 440), курды начали восстание 5 марта 1991 г. в г. Рания, затем распространив его на весь Курдистан. Бойцы пешмерга вытеснили иракские войска почти со всей территории Курдистана,

но те перешли в контрнаступление. Слух о возможном применении химического оружия заставил курдов массово бежать в горы к границам Турции и Ирана, создав там гуманитарный кризис. Совет безопасности ООН издал резолюцию № 688 от 1991 г., предписывающую иракские власти прекратить насилие и предоставить гуманитарным организациям доступ к беженцам, а США со своими союзниками ввели бесполетную зону над территорией Курдистана (севернее 36-й параллели), позволив населению создать собственную администрацию взамен иракской. Политика памяти в отношении восстания 1991 г. строится следующим образом:

1) в ходе восстания все «репрессивные институты режима Баас были разгромлены курдским народом и курдскими силами пешмерга»¹¹;

2) восстание «стало результатом кровавой истории и жестокой политики режима Баас, который на протяжении десятилетий совершал тяжкие преступления против человечества в отношении курдского народа, включая Анфаль и химические атаки на невинных людей»¹²;

3) восстание было «не рядовым событием, а результатом многолетней политической и вооруженной борьбы народа, пешмерга и двух великих революций сентября [1961 г. – прим. авт.] и мая [1976 г. – прим. авт.]»¹³;

4) единство и солидарность политических сил и этнорелигиозных общин стали основой успеха курдского восстания;

5) благодаря восстанию Курдистан получил «свободу, парламент,

¹¹ قوباد تالابانی: خەباتی خەڵکی کوردستان بە خۆرای نەچوو. رووداو [Qubad Talabani: The struggle of the Kurdish people has not gone in vain. *Rudaw*. 05.03.2015. (In Kurd.)] URL: <https://www.rudaw.net/sorani/kurdistan/0503201513> (дата обращения 13.03.2025)

¹² Ibid.

¹³ مه‌کتبه‌ی سیاسی پارتی: نهمرو له ههموو کاتێک زیاتر پێویستیمان به یه‌کریزی و یه‌کگوتاری سیاسیه‌ی Kurdistan TV. [PDK Political Bureau: Today we need political unity and discourse more than ever. *Kurdistan TV*. 05.03.2021. (In Kurd.)] URL: <https://kurdistantv.net/ku/news/110148> (дата обращения 13.03.2025)

правительство, федерализм и закрепление его прав в федеральной Конституции Ирака»¹⁴.

Восстание 1991 г. в политике памяти является логическим продолжением концептов, используемых в интерпретации Сентябрьской революции, но с учетом совершенных режимом Саддама Хусейна преступлений против курдского народа. Отмечается многолетний характер народной борьбы и главный ее итог – формирование регионального правительства.

Монументальная политика

Во многих городах и деревнях, подвергшихся операции Анфаль, установлены памятные мемориалы, оборудованы кладбища жертв Анфала, тела которых были найдены и перемещены из мест массовых захоронений. Самый известный комплекс, посвященный памяти жертв Анфала, – это памятник напротив деревни Шорш в районе Чамчамал и прилегающие к нему кладбище и музей жертв Анфала. В провинции Эрбиль в Касназанае был построен выставочный комплекс и памятник жертвам Анфала, чтобы «показать страдания жертв Анфала и их семей, когда в столицу будут приезжать иностранные делегации и высокопоставленные чиновники»¹⁵, однако он еще не открыт.

В Халабдже построен Монумент Халабджи, внутри которого располагается Музей мира в память о трагических событиях 1988 г. Кроме того, в городе

установлен памятник «Омар Хавар и ребенок» (он изображает жертв химической атаки на Халабджу – отца, закрывающего собой тело маленького сына, а прототипом для этой скульптуры послужила одноименная фотография, сделанная иранским фотографом Ахмедом Натыки спустя несколько часов после трагедии).

В Сулеймании действует музей «Амна Сурака» (курд. ئەمنا سوورەکه – «красная служба безопасности»). Здание было построено в 1985 г. для нужд вышеупомянутой Службы общей безопасности Ирака, в котором она располагалась до восстания 1991 г. В застенках этого здания выбивали показания и пытали несогласных с режимом, причем не только курдов, но и представителей других этнорелигиозных групп¹⁶. В 2003 г. оно было преобразовано в музей, демонстрирующий нарушения прав человека, совершенные режимом Саддама Хусейна. Здание и прилегающая к нему территория частично сохранили следы происходивших в нем исторических событий: на фасаде и воротах оставлены следы от пуль и другие разрушения, сделанные во время боев, а внутри – камеры для заключенных со скульптурами узников, изображенными в позах для пыток, применявшихся в этой тюрьме.

В Барзанае в 2023 г. был открыт Национальный мемориал Барзани, который включает в себя библиотеку, музей и небольшое кладбище, где похоронен Мустафа Барзани. В музее выставлены одежда, личные вещи и исторические документы

¹⁴ بهیامی سهروک نیچیرقان بارزانی لهیادی راپهریندا . سهروکایهتی هه‌ریمی کوردستان [Message of President Nechirvan Barzani on the occasion of the Uprising. *Kurdistan Region Presidency*. 05.03.2023 (In Kurd.)] URL: <https://presidency.gov.krd/president-nechirvan-barzanis-statement-on-the-anniversary-of-the-march-1991-uprising/> (дата обращения 13.03.2025)

¹⁵ سال بێ سوود و مرگرتن نۆژهن ده‌کریتهوه. وشه [Jawad, R. The monument to the martyrs will be restored after 11 years without benefits. *Wishe*. 14.04.2021. (In Kurd.)] URL: <https://www.wishe.net/details.aspx?hewal&jmare=116066&Jor=4> (дата обращения 10.04.2025)

¹⁶ Khidhir, Q. Inside Sulaymaniyah's Amna Suraka Museum. *Kurdistan Chronicle*. 29.09.2024. URL: <https://kurdistanchronicle.com/babat/3392> (дата обращения 18.04.2025)

Мустафы Барзани, а также его предшественников шейха Абдусалама Барзани и шейха Ахмеда Барзани. Создатели музея стремились показать не только историческое значение района Барзан, лидеров курдского национального движения, выразить гордость за курдский народ и его стойкость, но и продемонстрировать религиозное сосуществование в регионе Курдистан. Здание музея включает в себя три купола, символизирующие братское сосуществование трех религий: ислама, христианства и иудаизма в районе Барзан¹⁷.

Проанализировав исторические события, которым политическая элита иракского Курдистана уделяет особое внимание, и их интерпретацию можно заключить, что на данном этапе политика памяти направлена на реализацию трех основных задач: легитимацию собственной власти (через память о борьбе и многочисленных страданиях народа за получение своих законных

прав), сплочение общества Курдистана (через упоминание страданий, понесенных различными общинами Курдистана и формирование образа «свой-чужой») и формирование отношения к центральному правительству в зависимости от текущих политических задач (упоминание или отсутствие упоминания о нарушении обещаний и силовом методе решения проблем, к которым прибегали разные иракские правительства).

Наконец, в политике памяти региона нет ни одного события, которое бы Курдистан разделял вместе с остальной частью Ирака. Прослеживается содействие политики памяти в формировании собственной национальной идентичности в рамках иракского Курдистана. Значительная часть вышеупомянутых событий содержит в себе указание на общие страдания, общие усилия и общие заслуги всех народов и этнорелигиозных общин Курдистана, а не только курдов.

Received: April 10, 2025

Accepted: June 16, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-31-42

UDC: 323

Political Science / Research article

MEMORY POLICY IN THE KURDISTAN REGION OF IRAQ

Arina A. Asylguzhina, Postgraduate at the Center for Arab and Islamic Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science.
12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 107031.
E-mail: ayamyka@gmail.com

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the memory policy in the Kurdistan Region Iraq, the main events used in this policy, as well as their interpretation for solving current political problems. Particular attention is paid to the analysis of official statements of political leaders of the region as one of the main ways of interaction between the authorities

¹⁷ Wilgenburg, W. V. Barzani National Memorial: A Symbol of Religious Coexistence and the Kurdish Struggle. *Kurdistan Chronicle*. 30.06.2023. URL: <https://kurdistanchronicle.com/babat/2640> (дата обращения 18.04.2025)

and society. The events used in the memory policy are considered in the historical context. Monumental policy is analyzed separately. The priority events for the memory policy are related to the struggle for national rights and the repressive measures of the authorities against the Kurds and the population of Kurdistan. The authorities pay special attention to the role of all ethnicities and religious groups of Kurdistan society in the above-mentioned events. The author concludes that the memory politics in Iraqi Kurdistan serves three main purposes: legitimization of its own power, consolidation of a multi-component society, and formation of attitudes toward the central government depending on the current interests of the elite. It is found that the emphasis is on the unique historical experience of Kurdistan, without a common memory with the rest of Iraq, which contributes to the formation of the region's own national identity and emphasizes the role of all peoples and communities of Kurdistan. Thus, in times of crisis and in controversial issues, the memory politics is an effective tool in shaping the necessary mood in public opinion by appealing to collective memory.

Keywords: Kurdistan, Iraq, Kurdistan Regional Government, memory policy, memorial policy

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Ihsan, M (2016). *Nation Building in Kurdistan. Memory, genocide and human rights*. eBook. 194 p.

Barzani, M. (2024). *Zayavlyaya o svoikh pravakh* [Staking Our Claims]. Moscow. 266 p. (In Russian)

Istoriya Kurdistana [History of Kurdistan]. (1999). Lazarev M. S., Mgoi Sh. Kh., Vasil'eva E. I. and others. Lazarev M. S., Mgoi Sh. Kh. eds. Moscow, Institute of Oriental Studies. 519 p. (In Russian)

Malinova, O. Yu. (2018). *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki. Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati* [Memory politics as a field of symbolic politics. Methodological issues in studying the politics of memory]. Miller A. I., Efremenko D. V., eds. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 27-53. DOI: 10.31249/mims/2018.00.00 (In Russian)

Литература на русском языке:

Барзани М. (2024). *Заявляя о своих правах*. Пер. с англ. яз. Москва. 266 с.

История Курдистана. (1999). Лазарев М. С., Мгой Ш. Х., Васильева Е. И. и др. Лазарев М. С., Мгой Ш. Х., ред. М.: Ин-т востоковедения. 519 с.

Малинова О. Ю. (2018). *Политика памяти как область символической политики. Методологические вопросы изучения политики памяти*. Миллер А.И., Ефременко Д.В., ред. М.-СПб: Нестор-История. С. 27-53. DOI: 10.31249/mims/2018.00.00

Холодная война 1.0 и холодная война 2.0: сравнительный анализ

В.И. БАТЮК*

Института США и Канады РАН (Россия)

Аннотация

Многие эксперты-международники считают, что мир вступил в новую холодную войну. Между холодной войной 1.0 и холодной войной 2.0 существуют, однако, серьезные различия. Во-первых, если первая холодная война (1945 – 1991 гг.) велась в условиях биполярного мира, то теперь мир является полицентричным – и это объективная реальность. Во-вторых, изменился характер идеологической борьбы. Во времена холодной войны 1.0 это была борьба либерального глобализма против марксизма-ленинизма. Сейчас же можно говорить о противостоянии либерального глобализма с буржуазными национализмами ведущих западных центров силы (России, Китая и др.). В-третьих, в годы первой холодной войны именно советско-американский диалог по контролю над стратегическими ядерными вооружениями стал движущей силой разрядки международной напряженности (1970-е – 1980-е гг.). В наши дни меняющийся стратегический ядерный баланс не дает основания полагать, что диалог по стратегическим вооружениям между Москвой и Вашингтоном станет локомотивом новой разрядки. Новая разрядка XXI века (подобно первой разрядке XX века) станет возможной лишь в условиях ослабления идеологической борьбы на международной арене.

Ключевые слова

биполярный мир, полицентричный мир, идеологическая борьба, стратегическая стабильность, разрядка международной напряженности, холодная война

Для цитирования

Батюк В.И. (2025). Холодная война 1.0 и холодная война 2.0: сравнительный анализ. *Управление и политика*. 2(4). С. 43–50. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-43-50

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Батюк Владимир Игоревич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (ИСКРАН). 121069, Россия, г. Москва, Хлебный пер. 2/3.
E-mail: ctas@inbox.ru

Первая холодная война (1945-1991 гг.): особенности международных отношений

После окончания Второй Мировой войны в мире утвердилась биполярная система международных отношений, когда ведущую роль в мировых делах играли две «сверхдержавы» – СССР и США. Именно они возглавили две противостоящих друг другу общественно-политические системы – социалистическую и капиталистическую.

При этом взаимоотношения между двумя сверхдержавами и возглавляемыми ими военно-политическими блоками характеризовались непримиримым идеологическим противостоянием. В отличие от великих держав – участниц «европейского концерта» XIX в. – лидеры биполярного мира XX века нуждались в идеологическом обосновании для установления своего контроля над новыми территориями; с другой стороны, расширение советской или американской сфер влияния рассматривалось как подтверждение торжества марксизма-ленинизма (или либерального интервенционизма) в глобальной битве за умы и сердца людей.

В этих условиях конфликт между СССР и США не мог не приобретать характер затяжной конфронтации, из которой невозможно было найти выход с помощью традиционных методов классической дипломатии, таких как разграничение сфер влияния, кондоминиумы, заключение новых союзных договоров и т.п. Именно наличие существенных идеологических противоречий (а в сфере идеологии компромиссов нет и быть не может) предопределило конфронтационный, непримиримый характер конфликта в период первой холодной войны (Батюк, 2016, с. 323).

Вплоть до середины XX века конфликты между великими державами (идеологические или иные) разрешались военной

силой. Во второй половине XX столетия, однако, после появления абсолютного (ядерного) оружия такая война стала бы глобальным самоубийством, и сверхдержавы были вынуждены предпринять усилия, направленные на предотвращение большой войны между ними. Понимание того, что в ядерной войне не будет победителей, пришло к советским и американским правящим элитам не сразу, но во второй половине 1950-х гг., когда стало понятно, что можно создать водородные бомбы колоссальной мощности, и появились надежные средства доставки ядерного оружия в виде межконтинентальных баллистических ракет, Москве и Вашингтону пришлось признать очевидное: ядерная война больше не будет продолжением политики иными средствами.

Взаимоотношения между двумя сверхдержавами не были неизменными на протяжении холодной войны 1.0. Пик напряженности в двусторонних отношениях пришелся на 1950-е – начало 1960-х гг., когда Москва и Вашингтон (и весь мир вместе с ними) были на грани глобальной термоядерной катастрофы. Однако в конце 1960-х гг. был достигнут ядерный паритет между двумя сверхдержавами, и это обстоятельство предопределило разрядку в советско-американских отношениях.

Именно наличие паритета (в ситуации взаимного гарантированного уничтожения) стало сильнейшим стимулом для начала советско-американских переговоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Именно диалог между Москвой и Вашингтоном по стратегической стабильности стал локомотивом советско-американской разрядки 1970-х – 1980-х гг. Этот диалог позволил не только остановить и повернуть вспять гонку ядерных вооружений, но и помог сторонам укрепить взаимное доверие и готовность к сотрудничеству.

Таблица 1.

Ядерные силы стран мира, январь 2024 г.

Страна	Развернутые боеголовки	Общее количество боеголовок
США	1 770	3708
Россия	1 674	4 380
Великобритания	120	225
Франция	280	290
Китай	–	500
Индия	–	172
Пакистан	–	170
КНДР	–	50
Израиль	–	90
Всего	3 904	9 585

Источник: SIPRI yearbook 2024. Armaments, Disarmament and International Security. Summary. out now. 12 June 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-06/yb24_summary_en_2_1.pdf (accessed 01.12.2024)

Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало ослаблению накала идеологического противостояния в годы первой Холодной войны.

**Особенности международных
отношений в период
второй холодной войны:
что нового?**

Современный мир более не является биполярным. Хотя некоторые эксперты-международники высказывают прогнозы относительно того, что советско-американская биполярность сменится американо-китайской биполярностью, в действительности мир XXI века становится все более полицентричным.

Распад Советского Союза не привел к изменению стратегического ядерного баланса между Москвой и Вашингтоном. В начале XXI века на долю России и Америки приходится свыше 90% всех имеющихся в мире ядерных боезарядов (см. Табл. 1).

В начале столетия о своих ядерных амбициях заявил Китай – и у Китайской Народной Республики есть все шансы превратиться в ближайшее время в третью ядерную «сверхдержаву».

В министерстве обороны США полагают, что к 2030 г. Китай будет располагать не менее 1000 ядерных боезарядов¹. Великобритания и Франция, вместе взятые, имеют в настоящее время вдвое меньше ядерных боеголовок. Как считают в Пентагоне, уже в ближайшие годы американской стороне придется уделять ядерному сдерживанию Китая не меньше (а, может быть, и больше) внимания и сил, чем сдерживанию России (Tirpak, 2021).

Как указано в Обзоре ядерной политики 2022 г., к 2030 г. США впервые в своей истории столкнутся с двумя ядерными сверхдержавами, выступающими как потенциальные стратегические противники².

Может ли в этих условиях сохраниться традиционный (со времен еще советско-американской разрядки) двусторонний российско-американский формат

¹ 2022 Nuclear Posture Review. Department of Defense. October 27, 2022. P. 4.

² Ibid.

переговоров о контроле над стратегическими вооружениями? Ведь преобразовать такой двусторонний формат в трехсторонний (американо-российско-китайский) будет очень непросто с учетом существования других объявленных и необъявленных ядерных держав. Так, например, Китай не может не принимать во внимание ядерную угрозу с Юга – со стороны Индии, а Москва уже заявляла о необходимости учитывать ядерные потенциалы таких союзников США по НАТО, как Великобритания и Франция (Батюк, 2023).

После распада биполярной системы международных отношений, важнейшей особенностью которой, как уже было сказано, была идеологическая борьба между двумя сверхдержавами и возглавляемыми ими военно-политическими блоками, в сознании правящих кругов и экспертных сообществ ведущих государств утвердилось представление о том, что идеологическая борьба на международной арене окончательно выброшена на свалку истории, и в постбиполярном мире отношения будут строиться на прагматичной, деидеологизированной основе. Этого, однако, не произошло: идеологическая борьба вернулась и в большую мировую политику, и в российско-американские отношения.

При этом возобновившаяся между Москвой и Вашингтоном идеологическая борьба приобрела ряд новых черт. *Во-первых*, это больше не борьба между марксизмом-ленинизмом и либеральным глобализмом, а борьба между буржуазным национализмом и либеральным глобализмом.

Во-вторых, идеологическая борьба в настоящее время идет не вдоль «железного занавеса», как это было в 1945-1990 гг., а и на международной арене, и внутри ведущих мировых центров силы. Яркий пример – борьба в Соединенных Штатах между буржуазным национализмом, который

олицетворяет республиканская партия во главе с Д. Трампом, и либерально-глобалистской демократической партией.

В-третьих, если во время первой холодной войны Москва была инициатором идеологизации международных отношений, то теперь именно Вашингтон является, если воспользоваться штампом советской пропаганды, «главной революционной силой современности». Россия стала «нормальным» государством, которое защищает свои национальные интересы (уважая при этом интересы других субъектов международных отношений), но при этом никому не навязывает свои взгляды и ценности. При этом Соединенные Штаты ускоренными темпами начали эволюционировать в либерально-глобалистскую идеократию, готовую нести свои «идеалы» всему миру на штыках американской морской пехоты (Лукин, 2016). Именно поэтому серьезнейшей проблемой в российско-американских отношениях в последние годы стало возобновление идеологической борьбы.

Поскольку в сфере идеологии компромиссов нет и быть не может, любой диалог между Москвой и Вашингтоном в этих условиях становится, с точки зрения американских правящих кругов, изменой американским ценностям, принципам и идеалам. Россия «должна» радикальным образом перестроиться в соответствии с этими ценностями – иначе ни о каких нормальных российско-американских отношениях речи быть не может.

Одна из ведущих российских экспертов по внешней политике США Т.А. Шаклеина полагает, что этот идеологизированный американский подход к международным делам совершенно неприемлем не только для России, но и для других центров силы в современном мире: «Ошибка, которую допустили США, состоит в том, что они превратили свою идеологию уникальной

американской глобальной миссии в движущую силу в отношениях с остальным миром и с Россией. Американское видение миропорядка неприемлемо для России. Россия с самого начала отвергала гуманитарные военные интервенции, нарушающие суверенитет независимых государств, возвращение к наращиванию вооружений и расширению их военного блока – НАТО» (Russia and the United States..., 2018).

Некоторые американские эксперты-международники полагают, что такая американская политика на российском направлении может иметь самые негативные последствия для самих США – например, подтолкнуть Россию в объятия Китая. Так, незадолго до своей кончины «патриарх» американской политологии З. Бжезинский указывал, что Вашингтон не должен забывать о том, какую угрозу для Соединенных Штатов несет возможный стратегический альянс между Китаем и Россией, к которому их может подтолкнуть «непродуманная внешняя политика США... Для Соединенных Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав» (Бжезинский, 2017).

Это суждение представляется совершенно здравым, но проблема в том, что либерально-глобалистская элита Соединенных Штатов руководствуется не столько интересами своей страны, сколько «либеральными ценностями». Вплоть до самого недавнего времени реалистический подход к американской внешней политике решительно отторгался американскими правящими кругами как нечто, противоречащее этим самым «либеральным ценностям» (Сафранчук, 2016).

В настоящее время механизм контроля над ядерными вооружениями, созданный в годы советско-американской разрядки

1970-х – 1980-х гг., переживает серьезные трудности. Восстановить этот механизм будет не так-то просто – гонка вооружений не стоит на месте.

Серьезный вызов стратегической стабильности представляют гиперзвуковые системы, которые, как показал опыт военных действий на Украине, способны поражать даже высокозащищенные объекты, которые, как считалось еще несколько десятков лет тому назад, могли быть выведены из строя только посредством ядерных боезарядов. Возникает реальная перспектива первого, контрсилового удара с применением гиперзвуковых систем, оснащенных конвенциональными боеприпасами. Неудивительно, что в американских кругах с беспокойством воспринимают отставание США от РФ и КНР в гонке гиперзвуковых ракетных систем³. Серьезным дестабилизирующим фактором могут стать и беспилотные летательные аппараты, способные нанести серьезный ущерб таким незащищенным стратегическим объектам, как системы предупреждения о ракетном нападении, системы связи и аэродромы стратегической авиации.

Могут возникнуть и серьезные проблемы с контролем над принципиально новыми средствами доставки стратегических ядерных вооружений – такими, как беспилотный подводный аппарат с атомной энергоустановкой «Посейдон» и крылатая ракета с ядерным двигателем «Буревестник». Эти системы не входят в классическую стратегическую ядерную триаду – МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики. Могут возникнуть серьезные проблемы с обеспечением надежного контроля над этими системами межконтинентальной дальности.

³ America's Strategic Posture. The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. October 2023. Washington, D.C. 2023. P. 31.

Новая разрядка?

Сложно сказать, каким образом удастся вывести российско-американские отношения из того тупика, в которых они оказались. На рубеже 1960-х – 1970-х гг. именно контроль над стратегическими вооружениями стал, как уже было сказано, локомотивом политики разрядки.

Между тем процесс контроля над вооружениями переживает в настоящее время серьезный кризис, что делает его непригодным для роли движущей силы российско-американской разрядки. Важнейшие многосторонние и двусторонние (советско-американские) договоренности об ограничении и сокращении вооружений – от советско-американского Договора по противоракетной обороне до многостороннего Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Что еще хуже – в силу целого ряда причин на протяжении последних пятнадцати лет серьезный российско-американский диалог по проблемам разоружения практически отсутствовал.

Как уже было отмечено выше, возобновление российско-американских переговоров по ограничению и сокращению вооружений может столкнуться с целым рядом серьезных политических и технических проблем, и быстрый успех здесь отнюдь не гарантирован. Пожалуй, в нынешних условиях именно урегулирование региональных конфликтов позволит добиться позитивных перемен во взаимоотношениях между Москвой и Вашингтоном. Даже в лучшие годы разрядки 1970-х гг. региональные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Африке и дру-

гих регионах планеты нанесли серьезный ущерб взаимопониманию и доверию между двумя сверхдержавами. Но если США могли уйти из Вьетнама, то Россия не может «уйти» из Украины. Будущее российско-американских отношений во многом зависит от того, смогут ли Москва и Вашингтон перейти к нормальному, конструктивному диалогу и по Украине, и по другим региональным проблемам.

Что касается торгово-экономической сферы, то российские правящие круги сейчас думают не о расширении торговли и экономического сотрудничества с Соединенными Штатами, а о том, как минимизировать последствия американских санкций. Говоря об американских планах ввести новые экономические санкции против нашей страны, заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев сравнил их с объявлением экономической войны, и на эту войну, по словам бывшего российского премьера, надо будет реагировать экономическими, политическими или иными методами⁴.

Главное – как быть с идеологической борьбой между Россией и Америкой? Очевидно, что только после ослабления этой борьбы (подобно тому, как это было в период разрядки 1.0) можно будет говорить о разрядке 2.0.

Приход к власти администрации Д. Трампа означал серьезный сдвиг в идеологии внешней политики Соединенных Штатов. Идеология либерального глобализма, которой руководствовалась Демократическая партия США, сменилась идеологией американского национализма, которой в настоящее время доминирует в Республиканской партии.

⁴ Медведев сравнил новые санкции против России с объявлением экономической войны. 10 августа 2018 г. URL: <http://tass.ru/ekonomika/5445191> (accessed 01/12/2024)

Таким образом, появилась возможность прекращения идеологической борьбы в российско-американских отношениях и, следовательно, возобновления нормального, конструктивного диалога между двумя нашими странами. Иными словами, появилась возможность новой разрядки.

Received: December 4, 2024

Accepted: April 14, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-43-50

UDC: 327

International Politics / Research article

COLD WAR 1.0 AND COLD WAR 2.0: COMPARATIVE ANALYSIS

Vladimir I. Batyuk, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby pereulok, Moscow, Russia.
E-mail: ctas@inbox.ru

Abstract: Many international experts believe that the world has entered a new Cold War. There are, however, significant differences between Cold War 1.0 and Cold War 2.0. Firstly, while the first Cold War (1945-1991) was fought in a bipolar world, the world is now polycentric – and this is an objective reality. Secondly, the nature of the ideological struggle has changed. During Cold War 1.0, it was a struggle between liberal globalism and Marxism-Leninism. Now we can talk about a confrontation between liberal globalism and the bourgeois nationalisms of the leading non-Western centers of power (Russia, China, etc.). Thirdly, during the first Cold War, it was the Soviet-American dialogue on strategic nuclear arms control that became the driving force behind the easing of international tensions (1970s-1980s). Today, the changing strategic nuclear balance does not give ground to believe that the dialogue on strategic weapons between Moscow and Washington will become the locomotive of a new détente. A new détente of the 21st century (like the first détente of the 20th century) will become possible only under conditions of weakening of the ideological struggle in the international arena.

Keywords: bipolar world, polycentric world, ideological struggle, strategic stability, détente, Cold War

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Russia and the United States in the Evolving World Order. (2018). Ed. by Anatoly Torkunov, Norma C. Noonan, Tatiana Shakleina. Moscow: MGIMO University.

Tirpak, J. (2021). Strategic Command Needs New Three-Way Deterrence Model, Deputy Commander Says. *Air Force Magazine*. Aug. 27. URL: <https://www.airandspaceforces.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/> (accessed: 01.12.2024).

Batyuk, V.I. (2016). *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [History of International Relations]. Moscow: Yurayt. (In Russian)

Batyuk, V.I. (2023). Podkhody SSHA k sderzhivaniyu Rossii i Kitaya (po materialam dokumentov strategicheskogo planirovaniya administratsii Dzh. Baydena) [US Approaches to Containing Russia and China (Based on the Strategic Planning Documents of the Biden Administration)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*, 2. (In Russian)

Bzhezinskiy, Z. (2017). Krizis mirovoy vlasti i troystvennyy soyuz SSHA, Kitaya i Rossii [The Crisis of World Power and the Triple Alliance of the USA, China, and Russia]. *Rossiia v global'noy politike*. 9.01. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528> (accessed 01.02.2022). (In Russian)

Lukin, A.V. (2016). Novaya mezhdunarodnaya ideokratiya i Rossiya [The New International Ideocracy and Russia]. *Comparative Politics Russia*, 1(22). (In Russian)

Safranchuk, I. (2016). Bezradostnyy landshaft. Ekspertnyye mneniya v SSHA po rossiysko-amerikanskim otnosheniyam i napravleniya ikh razvitiya [Bleak Landscape. Expert Opinions in the USA on Russian-American Relations and Directions of Their Development]. *Rossiia v global'noy politike*, 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bezradostnyi-landshaft-18029> (accessed 01.12.2024) (In Russian)

Литература на русском языке:

Батюк В.И. (2016). *История международных отношений*. М.: Юрайт.

Батюк В.И. (2023). Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена). *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. Т. 15, № 2.

Бжезинский З. (2017). Кризис мировой власти и тройственный союз США, Китая и России. *Россия в глобальной политике*. 9 января. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528> (accessed 01.02.2022).

Лукин А.В. (2016). Новая международная идеократия и Россия. *Сравнительная политика*. № 1(22).

Сафранчук И. (2016). Безрадостный ландшафт. Экспертные мнения в США по российско-американским отношениям и направления их развития. *Россия в глобальной политике*. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bezradostnyi-landshaft-18029> (accessed 01.12.2024)

Международно-политические проблемы использования ИИ в военных целях

Д.Ю. КОЧЕРИНСКИЙ*

МГИМО МИД России (Россия)

Е.С. ЗИНОВЬЕВА**

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

В XXI веке технологии искусственного интеллекта (ИИ) играют важную роль в выстраивании баланса сил на мировой арене. Они позволяют получить значительное преимущество, поэтому государства находятся в постоянной гонке за право занимать лидирующие позиции. ИИ призван помочь человечеству в дальнейшем развитии, однако уже есть области применения, которые далеко не мирные и носят разрушительный характер. Целью работы является изучить тенденции развития военного ИИ и подходов к его регулированию на международном уровне ИИ на основе открытых источников информации. Методологический инструментарий включает дискурс-анализ научной литературы и источниковой базы по теме исследования. Поле применения ИИ в военных целях расширяется, тем самым меняя природу конфликтов и ставя новые задачи перед регулируемыми органами на международном уровне. Данная область набирает обороты и, как следствие, будет развиваться правовая регламентация на международном уровне. Российской Федерации целесообразно поддерживать регулирование военного ИИ и мирного развития глобального цифрового пространства.

Ключевые слова

информационная безопасность, искусственный интеллект, технологии в военной сфере, смертоносные автономные системы, переговорный процесс в ООН, международное гуманитарное право, этические аспекты

Для цитирования

Кочеринский Д.Ю., Зиновьева Е.С. (2025). Международно-политические проблемы использования ИИ в военных целях. *Управление и политика*. 2(4). С. 51–64. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-51-64

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

* Кочеринский Данил Юрьевич – магистр Факультета управления и политики, МГИМО МИД России. 119454, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 76.
E-mail: kocherinskiy.danil@mail.ru

** Зиновьева Елена Сергеевна – д.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов, Факультет управления и политики, МГИМО МИД России. 119454, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 76.
E-mail: zinovjeva@mail.ru

Эволюция дискурса о военных ИИ

Дискурс-анализ представляет собой исследование текстов, высказываний, речей для выявления структур и формирующихся тенденций (Кожемякин, 2015, с. 7). Тем самым данный метод предполагает предметно-ориентированное исследование результатов речевой деятельности. В условиях высокой турбулентности и напряженности на мировой арене, когда идет активная фаза переустройства мирового порядка, как на глобальном, так и на региональном уровнях, важную роль играют технологии искусственного интеллекта (ИИ), которыми зачастую не каждое государство обладает. Важной задачей, стоящей перед технологиями ИИ, является помощь человечеству в дальнейшем развитии, облегчение жизни и обеспечение нового уровня безопасности. Однако ИИ имеет широкое поле для применения, в том числе и военной сфере.

Прорывные технологии всегда несут за собой высокий потенциал конфликтности из-за отсутствия правовой базы и институтов для регулирования новой системы (McLuhan, 1968, p. 7). ИИ коренным образом меняет расстановку сил на поле боя, выводя военный потенциал одного государства на совершенно новый уровень, давая значительное превосходство. Данную технологию внедряют во все отрасли военного дела, начиная от беспилотных летательных аппаратов и заканчивая системами управления и обработки информации.

Еще в 2012 году в докладе “Losing Humanity: The Case against Killer Robots”¹, подготовленном организацией Human

Rights Watch был поднят вопрос необходимости запрета на законодательном уровне полностью автономного оружия, при работе которого отсутствует участие человека, что уже тогда виделось, как приближающаяся угроза для всего человечества. Важным посылом данного доклада была идея о своевременном запрете на разработку автономного оружия, так как данный тип оружия не способен провести разграничительную линию между комбатантами и гражданскими лицами. Спустя два года в 2014 году прошло заседание группы экспертов в рамках обсуждения “Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие”. Импульсом для проведения данного обсуждения послужил ранее упомянутый доклад, поскольку важно было решить вопросы, связанные с гуманитарной составляющей в случае разработки и применения такого вида оружия, так как эти технологии не соответствуют типу оружия, который закреплен в международном гуманитарном праве (МГП)². Помимо этого, не менее важными вопросами, стоящими на повестке группы экспертов, были: выработка общего определения и регламент единого регулирования. Соединенные Штаты Америки также были обеспокоены решением данного вопроса, поэтому активно принимали участие в международных дискуссиях с 2014 года. Обеспокоенность в быстром технологическом прогрессе в сфере ИИ привела к пониманию возможности создания смертоносных автономных систем (САС) в ближайшем будущем, тем самым

¹ Losing humanity: The case against killer robots. Human Rights Watch. International human Rights Clinic. 2012. 49 p. URL: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (дата обращения: 20.12.2024)

² Turner, R. (2015). Killer robots? Getting LAWS right. Australian Strategic Policy Institute (ASPI). URL: <https://www.aspistrategist.org.au/killer-robots-getting-laws-right/> (accessed 20.12.2024)

спровоцировав активность 54 неправительственных организаций развернуть кампанию по запрету на разработку исследований в данной сфере. В 2017 году данный формат дискуссии получил новый импульс развития благодаря открытому письму экспертов в сфере ИИ, в котором был выражен призыв к предотвращению гонки вооружений с последующей поляризацией рынка и дестабилизацией мировой обстановки. Этот факт был закреплен в резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы в Комитете по правовым вопросам и правам человека³. Одной из первостепенных целей было изучить морально-этические, технологические и военные аспекты использования Смертоносных автономных систем. Данную позицию также поддержал и Европейский парламент, зафиксировав ее в резолюции от 12 сентября 2018 года о САС⁴.

Большую работу проделала Группа правительственных экспертов по САС за период с 2017 по 2019 года, по результатам которой среди государств-участников процесса появился консенсус в понимании того, что нельзя наделять оружие полной автономностью, ее необходимо ограничивать, однако вопрос регулирования требовал дополнительного времени для урегулирования. Рабочая повестка на 2019 год исходила из возможных руководящих принципов от 2018 года, так как там были зафиксированы наиболее важные пункты

для дальнейшего согласования, такие как: возможность применения международного гуманитарного права ко всем видам оружия, исследование и разработка САС тому не исключение; вопросы сохранения ответственности за человеком за решения об использовании САС, ввиду невозможности переложить ответственность на машину, а также за разработку, развертывание и принятие на вооружение; важность обеспечения полной безопасности как от физической возможности получения доступа или приобретения, так и от дистанционной через кибератаки, принимая во внимание недопущение доступа к такого рода технологиям со стороны террористических групп⁵.

Также результатом работы Группы правительственных экспертов от 2019 года стал следующий пункт: потенциальные вызовы международному гуманитарному праву⁶. В рамках вопроса, дискуссии велись в отношении сохранения применимости МГП ко всем системам вооружения, сохранения ответственности за человеком за принятые решения при использовании САС, но в тоже время возникло предложение о создании новой структуры ввиду недостаточно четких формулировок МГП в отношении САС. Такие страны как Российская Федерация и США подняли вопрос о высокой точности применения САС, что с их точки зрения позволит улучшить реализацию МГП, в то время как

³ Parliamentary Assembly. (2022). Emergence of lethal autonomous weapons systems (LAWS) and their necessary apprehension through European human rights law (AS/Jur(2022)30). Council of Europe, Committee on Legal Affairs and Human Rights. URL: <https://assembly.coe.int/LifeRay/JUR/Pdf/TextesProvisaires/2022/20221116-LawsApprehension-EN.pdf> (accessed 20.12.2024)

⁴ Resolution of the European Parliament of 12 September 2018 on autonomous weapons systems (2018/2752(RSP)) // European Parliament. 12.09.2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0341_EN.html (accessed 20.12.2024)

⁵ Meeting of States Parties. (2019). Final report: Meeting of the High Contracting Parties to the Convention on Prohibitions or Restrictions on the use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects (CCW/MSP/2019/9). UN General Assembly, Meeting of the High Contracting Parties. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3856241/files/CCW_MSP_2019_9-EN.pdf?ln=ru (accessed 20.12.2024)

⁶ Ibid.

Бразилия, Чили, Пакистан – наоборот видят в этом угрозу из-за внутреннего законодательства по вопросу ответственности за собственные принятые решения. Помимо этого, важным вопросом в обсуждении было определение главных характеристик САС, наибольший интерес среди которых представляла автономность. Здесь твердую и решительную позицию заняла Российская Федерация, объяснив, что ключевым аспектом выступает не автономность, так как ранее уже были системы автономного оружия, и они не обязательно несут за собой какие-то проблемы⁷.

Важным вопросом для дискуссии выступала человеческая составляющая, так как необходимо было сохранить ответственность за разработку, использование и принятие решений за человеком. Сложность в решении данного аспекта кроется в степени и типе взаимодействия человека с машиной, так как это является определяющим для МГП. Появляются вопросы этики, о которых в том числе пишет профессор Академии военных наук Козюлин В.Б., говоря, что нормы МГП призваны защищать человеческие ценности, не допускать пренебрежение норм морали и ценности человеческой жизни (Козюлин, 2019). Дело в том, что САС не обладает таким интеллектом, чтобы определить, соблюдает ли он законы ведения войны или нет, поэтому без участия человека невозможно ограничить насилие в ходе боевых действий. В результате применения таких систем встают вопросы ответственности за намеренное использование, или гипотетически за непреднамеренное использование, то есть без взаимодействия с человеком, тем самым поднимается вопрос

о соразмерности применения силы, чрезмерном нанесении вреда, разрушений, а во время боя и вовсе будет подвешен вопрос о различии солдата и гражданского. Поэтому любое применение, разработка, исследование и внедрение обязано находиться под человеческим контролем. Разработка и исследование САС имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Данная технология может служить на пользу человечества, так как система способна оперативно обрабатывать большие массивы данных, точно наносить удар, сокращая число жертв с двух сторон, и спасать жизни комбатантов, ввиду высокой прочности от физического вреда. Однако на другой стороне данного вопроса лежат вопросы этики и гуманности. Сразу снижается ценность человеческой жизни, поскольку робот бескомпромиссно принимает решения, и вполне вероятно гонка вооружений приведет к поляризации доступа к технологиям, создав неравные условия ведения войны с диспропорциональным исходом (Булавинова, 2020).

Все больше развитых стран вступает в гонку исследований в сфере ИИ, который нашел свое применение и в военной сфере, что влечет за собой определенные риски для общества и ставит ряд задач перед ним. САС вносят серьезные корректировки в природу конфликтов и дегуманизируют их, так как на международном уровне нет юридически обязывающих механизмов по регулированию САС. Тем не менее, уже есть руководящие принципы, которые формируют общую канву дискурса и показывают наличие общих точек зрения по данному вопросу.

⁷ Acheson, R. (2019). While a few countries control the CCW, we risk losing control over weapons. Reaching Critical Will. URL: <https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/ccw/2019/gge/reports/CCWR7.7.pdf> (accessed 20.12.2024)

Подходы к определению САС

Ежегодно среди результатов работы ГПЭ по САС фиксировались точки зрения стран по возможным вариантам определения САС, так как одной из причин, препятствующей формированию общего режима контроля в этой сфере, является отсутствие единого подхода к пониманию данной технологии. Хотя на международном уровне нет четкого определения САС, в рамках работы ГПЭ в 2024 году было выработано описательное толкование САС, которое характеризует данный вид системы как оружие способное самостоятельно выбрать цель и поразить объект без вмешательства человека⁸. Каждое государство испытывает трудности при формулировании своей позиции, поскольку осознает важность выбора слов в определении, чтобы в дальнейшем не препятствовать развитию технологий. В мире еще не могут провести разделительные линии между такими понятиями как автономное и автоматизированное оружие, не говоря уже о самом термине “оружие”, по которому по сей день не выработали единого признанного на международном уровне определения (Козюлин, 2019). Поэтому не удастся наладить диалог на уровне ГПЭ, не определившись с терминами в начале общения. Технологии ИИ могут служить сразу на двух фронтах: как

на гражданском, так и на военном, поэтому страны проявляют осторожность при голосовании за запрет разработки САС, чтобы не преградить путь исследованиям в гражданской сфере⁹. Благодаря отчету¹⁰, составленному Группой имплементационной поддержки Конвенции о “негуманном” оружии, можно проследить как менялись, дополнялись или корректировались подходы государств к определению САС. Так, например Российская Федерация охарактеризовала САС в 2018 году как безэкипажное техническое средство, работающее как при дистанционном управлении, так и автономно, в то время как Китайская Народная Республика (КНР) исходила не из попытки дать четкое определение, а предложить набор критериев, согласно которым оружие будет подпадать под САС. Среди основных элементов КНР выделило: летальность, подразумевая достаточный боезапас для летального исхода после применения; автономность, тем самым убрав участие человека во всем рабочем процессе; невозможность остановить запущенный процесс; неизбирательный характер и самообучаемость системы. В 2020 году Федеративная Республика Германии дала определение САС как системе вооружения, при принятии решения использования которой полностью отсутствует участие человека. Бразилия в том же году предложила определить САС как систему, обладающую интеллектом с автоматизированным

⁸ GGE on LAWS. (2024). Rolling text. URL: [https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_\(2024\)/Revised_rolling_text_as_of_8_November_2024_final.pdf](https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_(2024)/Revised_rolling_text_as_of_8_November_2024_final.pdf) (accessed 22.12.2024).

⁹ Franke, U. (2018, September 5). Laws on LAWS? Germany's place in the 'killer robot' debate. European Council On Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_laws_on_laws_germanys_place_in_the_killer_robot_debate/ (accessed 20.12.2024)

¹⁰ Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons System (GGE). (2023). Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects. 10 March 2023. URL: [https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_\(2023\)/CCW_GGE1_2023_CRP.1_0.pdf](https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_(2023)/CCW_GGE1_2023_CRP.1_0.pdf) (accessed 20.12.2024)

режимом работы, со способностью к самообучению во время боевых действий и с опорой на заранее зашитый опыт, чтобы в дальнейшем система выявляла цели и уничтожала их.

В 2022 году Российская Федерация предложила свой ряд основных элементов, который должно включать в себя определение, чтобы предотвратить разночтения в дальнейшем, а именно: наличие описания типов оружия, которые подпадают под САС, а также допустимых условий разработки и испытаний; дальновидность при формулировании определения, руководствуясь не только реалиями сегодняшнего дня, но и прогнозирование на возможный исход в будущем; универсальность в понимании экспертов из разных областей. Китайская Народная Республика, помимо вновь упомянутых собственных критериев определения, в свою очередь дала свои разъяснения в терминологии: САС хоть и могут быть высокоавтономными, но это никак не исключает наличия человеческого контроля, что позволит данному типу оружия соответствовать принципам МПП, так как человек или оператор могут в любой момент приостановить выполнение программы тем самым обеспечив выполнение таких пунктов как пропорциональность и предосторожность. Ряд наиболее развитых европейских государств со своей стороны заявляет в рамках ГПЭ о необходимости признать САС оружием вне закона и начать процесс регулирования других автономных систем, с тем чтобы соблюдать МПП при сохранении ответственности и контроля за человеком во избежание рисков. Помимо Российской Федерации и Китая, США и Соединенное Королевство также сформулировали базовые критерии, которым должно отвечать общее определение. Основные пункты включают: избирательный характер целей, то есть недопустимость применения для нападения на гражданских даже для

устрашения или причинение случайных жертв; ответственность за использование, командование всегда несет ответственность за последствия; возможность участия человека в процессе, чтобы контролировать и предвидеть результат.

Китай и Соединенное Королевство в своих критериях говорят о полностью автономных системах, тем самым упуская из виду возможное появление полуавтономных систем или систем с низкой автоматизацией, но по-прежнему со смертоносными последствиями (Taddeo & Blanchard, 2022). Что касается позиции Российской Федерации по вопросу определения САС, то здесь она исходит из реалистского подхода (Nadibaidze, 2022), так как осознает стратегическую важность разработки данного типа оружия, чтобы не отставать в глобальной гонке вооружений, в которой уже активное участие принимают США и Китай, опережающие по некоторым показателям Россию. Именно поэтому Россия не придерживается идеи блокирования разработок ИИ в военной сфере, чтобы оставить за собой право дальнейших исследований. Такому же подходу следуют и США, и Китай, так как осознают, что нечеткие границы в определении САС позволяют иметь больше пространства для маневрирования в разработках, до тех пор как будет создано такое оружие, которое как считается еще не произведено. Для Российской Федерации стратегически важно сохранять роль равноправного участника в вопросах международного регулирования, так как с этого начинается выстраивание многополярного мира. Такой мир наиболее эффективно борется с основными вызовам и угрозам, так как во внимание принимается право государств на независимую внешнюю и внутреннюю политику, не навязанную гегемонами, и на задний план уходят вопросы конфронтацией, подрывающие международную стабильность.

Не менее важным для рассмотрения различных подходов к определению САС представляется вариант, предложенный Международным Комитетом Красного Креста (МККК)¹¹. Смертоносной автономной системой является каждая система оружия, принимающая решения без участия человека при реализации своих основных функций. Это предполагает поиск, выборку, идентификацию и нейтрализацию цели автономно, самостоятельно. Получилось достаточно обобщенное определение, сконцентрированное на такой отличительной характеристике как автономность, что возможно даже лучше для мирового сообщества, поскольку, например Североатлантический альянс приводит еще более размытый вариант¹². В нем описывается два термина, таких как автоматизированная система и автономная система, что вполне может привести к путанице и ввести в заблуждение при выработке общего определения. Под автоматизированной системой подразумевается система, реализующая свою программу по заданному алгоритму на основе заранее введенных данных, результат которой прогнозируем. В то время как автономная система – это также система, выполняющая свои функции для достижения желаемых целей при соблюдении заранее установленных ограничений при принятии решений, со способностью к самообучению на местности, с оптимальным, однако

вполне непредсказуемым результатом. Не совсем ясна концепция “желаемых” целей, поскольку речь может идти о политических, военных, организационных или тактических целях, выбор которой, скорее всего, ляжет на плечи системы (Taddeo & Blanchard, 2022). Также вопрос о самообучаемости на местности не до конца раскрыт, поскольку речь идет о ситуативном обучении или более масштабном и перспективном.

Переговорные площадки по вопросам регулирования ИИ

Возвращаясь к работе ГПЭ, стоит отметить результаты, достигнутые в 2023 году: участники вновь подтвердили важность учитывать дальнейшее развитие технологий и оружия при выработке отличительных характеристик САС. Помимо этого, вопрос применимости норм МГП к системам такого типа на протяжении всего их жизненного цикла вновь получил поддержку в противном случае разработки над таким оружием не должны вестись. Также было принято решение о необходимости проведения предварительной подготовки специалиста, применяющего САС, чтобы можно было ограничить масштаб, продолжительность и типы целей¹³. Однако уже в 2024 году ГПЭ добьется больших успехов, сформировав документ, в котором по многим вопросам стороны пришли

¹¹ International Committee of the Red Cross. (2016). Views of the ICRC on autonomous weapon systems. URL: <https://www.icrc.org/en/document/views-icrc-autonomous-weapon-system> (accessed 20.12.2024)

¹² NATO. (2020). AAP-06 Edition 2020: NATO glossary of terms and definitions. NATO Standardization Office.

¹³ Convention on Certain Conventional Weapons. (2023). Report of the 2023 session of the group of governmental experts on emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems. CCW/GGE.1/2023/2. Geneva: United Nations Office for Disarmament Affairs. URL: [https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_\(2023\)/CCW_GGE1_2023_2_Advance_version.pdf](https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_(2023)/CCW_GGE1_2023_2_Advance_version.pdf) (accessed 22.12.2024).

к консенсусу, что в дальнейшем будет способствовать единому оформленному подходу¹⁴. Так в документе САС характеризуется как встроенное сочетание разных типов оружия и технологий, способствующих распознаванию и/или выбору целей без участия человека в реализации задач. Это не означает, что данная характеристика является финальной версией, предполагаются корректировки и изменения по мере развития технологий, а также возможность запрещать определенные типы оружий. Все вышеупомянутые пункты о необходимости соблюдения норм МГП, избирательность, ответственность человека за принятие решений об использовании САС, ограниченность способов и средств ведения войны, запрет на разработку технологий, не подпадающих под нормы МГП, вновь получили свое закрепление.

В последнее время группа подвергается критике в затягивании процессов выработки единого подхода к определению и формированию в дальнейшем юридически обязательного документа, закрепляющего нормы и правила использования САС. Зачастую это все объясняется процессом принятия решений, основанного на принципе консенсуса, в рамках которого достаточно одного голоса против, чтобы отклонить документ. Поэтому мировое сообщество пришло к пониманию необходимости введения диалога и повышения осведомленности о нарастающей проблеме

за пределами ГПЭ (Bhatt & Bharadwaj, 2024). Среди основных значимых являются конференция “Bletchley Park” и форум “REAIM”. Однако они активно продвигают западную точку зрения, и принять участие можно только после приглашения, что препятствует инклюзивности регулирования ИИ. Подход, который предполагает участие по приглашению, явным образом демонстрирует разделение мира, и тем самым создает такой мир, в котором есть лишь одна правильная точка зрения. Российская Федерация не приемлет решение регулирования ИИ сугубо в формате “Хиросимского процесса по ИИ”, так как оно является закрытым, несправедливым и чересчур политизированным¹⁵.

Ответом на призыв ученых и экспертов к скорейшему принятию решений и действий для формирования единого управления технологиями ИИ, так как данная технология считается экзистенциальной угрозой для всего человечества, в рамках Совета Безопасности ООН было предложено вынести данный вопрос за пределы организации из-за чрезмерной широты вопроса (Смирнов, Кохтюлина, 2023). Так возникла идея первого глобального саммита по безопасному использованию ИИ, с местом провидения в усадьбе Блетчли недалеко от Лондона, также известном как место работы команды математиков с Аланом Тьюрингом в годы Второй мировой войны, сумевшая разгадать

¹⁴ GGE on LAWS. (2024). Rolling text. URL: [https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_\(2024\)/Revised_rolling_text_as_of_8_November_2024_final.pdf](https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_(2024)/Revised_rolling_text_as_of_8_November_2024_final.pdf) (accessed 22.12.2024).

¹⁵ Министерство иностранных дел Российской Федерации. (22 мая 2024). Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос газеты «Коммерсант» относительно участия России в международных инициативах в области управления рисками генеративного ИИ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1952342/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000c3fcb62eada3f6aa053949c3b0a847cb5d534a292eab8b2839af5b653450aae708bc4bd2c0143000cf9fce29750378ca53e454966c9e50e0b52d53f6cf452a1d42c7a0f991f99d5b3a8217ac172a779919afdeffd36628fc (дата обращения: 29.12.2024)

шифр нацистов, использовавших шифровальную машину Enigma¹⁶. Целью саммита была идея начать переговорный процесс по способам минимизации угроз со стороны ИИ на международной арене. Великобритания позиционировала себя в качестве локомотива в вопросах регулирования, поэтому активно проявляла себя, чтобы закрепить статус лидера, однако сама страна пока еще не готова к внедрению законодательства на национальном уровне. По итогам саммита в Великобритании был запущен новый институт безопасности ИИ, который, как планируется, будет являться центром тестирования безопасности новых типов ИИ. Также была принята Блетчлийская декларация по ИИ, которую подписали представители 28 стран, в том числе США, Европейский Союз и КНР, призванная бороться с рисками ИИ (Смирнов, Кохтюлина, 2023). Помимо представителей и компаний стран, участвовавших в саммите, данное мероприятие посетил предприниматель Илон Маск, заявив, что конференция может послужить развитию технологий, выступая в роли непредвзятого арбитра, предупреждающего о собственных опасениях и придерживающегося от создания чрезмерного регулирования, которое препятствовало бы дальнейшему развитию (Смирнов, Кохтюлина, 2023). В 2024 году состоялась вторая конференция, в ней приняли участие представители 27 стран и Европейский Союз. По итогам было подписано

совместное заявление, подтверждающее необходимость сохранения ответственности за человеком при использовании технологий¹⁷. Среди стран-подписантов, в том числе, были государства Африки, Латинской Америки и Азии. Однако Китай, хоть и принял участие в обсуждении, не подписал заявление, не поддержав единый подход к регулированию ИИ¹⁸. Совместное заявление основывалось на трех ключевых принципах, важных для обеспечения безопасного использования ИИ: прозрачность, инклюзивность и инновационность. Важно быть готовым ко всем рискам разработок, внедрения и использования разных моделей ИИ. Именно поэтому роль правительств государств выступает крайне необходимой в контроле над технологическими разработками, недостаточного одного финансирования, нужно еще формировать правовые рамки, внедрять регулирование в законодательство страны¹⁹.

Еще одной важной площадкой выступает форум «Ответственный ИИ в военной сфере», который является ответом на необходимость внедрения ИИ в военную сферу с учетом не только этических моментов, но и вопросов безопасности. В работе форума, который провел первую встречу в 2023 году в Гааге, приняли участие государственные служащие из 60 стран, в том числе КНР и США, за исключением России; промышленники, ученые и общественные организации. В 2024 году

¹⁶ The UK government. (2023). About the AI Safety Summit 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/topical-events/ai-safety-summit-2023/about> (accessed 22.12.2024).

¹⁷ Южная Корея и еще 26 государств заявили о необходимости человеческого надзора над ИИ. (22.05.2024). ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20876457> (дата обращения: 22.12.2024)

¹⁸ Access Partnership. (2024). Key Takeaways from the AI Seoul Summit 2024. URL: <https://accesspartnership.com/key-takeaways-from-the-ai-seoul-summit-2024/#:~:text=The%20summit%20concluded%20with%2027,unified%20approach%20to%20AI%20governance>. (accessed 22.12.2024).

¹⁹ Buckley, T. (2024, May 22). Key Outcomes of the AI Seoul Summit, Tess Buckley. TechUK. URL: <https://www.techuk.org/resource/key-outcomes-of-the-ai-seoul-summit.html> (accessed 22.12.2024).

саммит прошел в столице Южной Кореи, в Сеуле. В нем приняли участие более 2000 участников, среди которых правительственные делегации из 90 стран, представители бизнес-сообществ и гражданского общества. По итогам работы был принят «План действий», разработке которого способствовали представители 34 стран в области обороны и вопросов внешней политики. Данный план подтверждает важность применимости МПП, Устава ООН при разработке, внедрении и использовании ИИ; необходимость внедрения национальной стратегий, норм и принципов ответственного ИИ в военной сфере; соблюдение этических норм и принципов гуманности, соответственно человек полностью несет ответственность за использование и последствия с сохранением подотчетности, которая никогда не может быть делегирована машинам²⁰. Поскольку в военной сфере все чаще стали присутствовать частные компании, то вполне вероятен шанс участия их в разработке. Сотрудничество между странами в данном вопросе крайне важно, но при участии частного сектора появляется угроза утечки информации, тем самым важно определить уровень и глубину сотрудничества, чтобы обеспечить стандарты безопасности надлежащего для военной сферы. При этом внедрение защитных механизмов для повышения отчетности может привести к соперничеству и конкуренции за право

контроля и надзора за соблюдением, что может совсем неблагоприятно отразиться на совместной работе. Данный саммит облегчает переговорный процесс тем, что его повестка более гибкая, стороны могут быстрее переходить к основным вопросам, легче обмениваться мнениями и при этом сохраняется многосторонний формат, с участием не только стран, но и всех заинтересованных сторон²¹. Тем самым данная инициатива может служить объединяющим форумом при всей жесткости подходов в рамках ГПЭ, или даже катализатором для принятия других норм.

По итогам саммита БРИКС в Казани было озвучено предложение со стороны президента Российской Федерации о создании альянса БРИКС в области искусственного интеллекта²². Данная инициатива послужит в качестве противовеса на международном уровне западному политизированному подходу. Основной целью альянса будет регламентация технологий ИИ для предотвращения противоправного использования. Ранее на внутригосударственном уровне был принят этический кодекс, к которому было предложено присоединиться как партнерам БРИКС, так и другим странам. Китайская Народная Республика также выразила готовность в совместном сотрудничестве со странами для раскрытия потенциала ИИ. Еще в Йоханнесбурге в 2023 году председатель КНР заявлял о необходимости продолжать

²⁰ Responsible AI in the Military domain Summit (REAIM). (2024). Blueprint for action. URL: <https://www.reaim2024.kr/home/reaimeng/board/bbsDetail.do?encMenuId=4e57325766362f626e5179454e6d6e4d4a4d33507a773d3d&encBbsMngNo=366e794c7a644d756342425668444f393053755142673d3d&encBbsNo=6f784e4542386f7735767465766a6531556f4b6149413d3d&ctlPageNow=1&schKind=bbsTtlCn&schWord=%23this#this> (accessed 22.12.2024).

²¹ Vestner, T.; Cleobury, S. (2024, September 5). Putting the Second REAIM Summit into Context. Just Security. URL: <https://www.justsecurity.org/99831/reaim-second-summit-context/#:~:text=The%20REAIM%20Summit%20is%20one,the%20defense%20and%20military%20sectors.> (accessed 23.12.2024).

²² Президент России. (23 октября 2024). Заседание саммита БРИКС в расширенном составе. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/75375> (дата обращения: 29.12.2024)

расширение сотрудничества в области ИИ, обмена информации и совместного противодействия рискам²³.

Международные форматы сотрудничества по вопросам регулирования ИИ за пределами ООН являются гибким решением для унификации точек зрения по ряду вопросов, а также способствуют более быстрому обмену позициями, так как повестка таких мероприятий более гибкая и круг участников намного меньше. Так, например, Блетчлийская конференция вполне может считаться успешным шагом на пути к международному сотрудничеству, так как ей удалось одобрить этические принципы, хотя вопрос с нечеткой трактовкой и оставляет окно возможности для некорректного толкования. Вопрос ИИ в военной сфере вызывает все больший интерес из-за повсеместного внедрения технологий для реализации цифровых стратегий. Беспокоит то факт, что ряд государств стремится к лидерству в гонке вооружений с применением ИИ, что нарушает баланс международной безопасности, переводя обсуждение в закрытые форматы, хотя вопросы безопасности являются инклюзивными и не могут быть отданы под регулирование ограниченной группой лиц. В связи с этим формат альянса БРИКС будет способствовать повсеместному регулированию ИИ, носить инклюзивный характер и приветствовать страны, готовые принять участие и содействовать сотрудничеству в данной сфере.

Применение ИИ в военной сфере

ИИ уже применяется в армии США в трех родах вооруженных сил: военно-воздушные (ВВС), сухопутные и военно-морские. Примером внедрения в военно-воздушных силах является интеллект для управления работы истребителями, получивший название «ALPHA». Это успешный продукт совместной работы выпускника инженерного университета Цинциннати и ВВС США, поскольку компьютер смог победить в виртуальном бою с опытным летчиком. Затем условия боя изменили, и пилот получил больше шансов на победу, однако это не оказалось сложностью для вычислительной машины, и она вновь победила²⁴.

Что касается сухопутных войск США, программа «ATLAS» призвана повысить эффективность работы экипажа танка, распознавая цели и наводя оружие. Однако дальнейшие действия, такие как выстрел или приведение механизма к залпу, не предусмотрены программой, поскольку противоречат международному гуманитарному праву. Система лишь помогает солдату, предупреждает его о возможной опасности, если кто-то замаскирован и незаметно движется с оружием²⁵.

Россия активно внедряет технологии ИИ. К примеру, в радиолокационных станциях присутствует технология, позволяющая оперативно распознавать военные

²³ Си Цзиньпин призвал БРИКС сформировать общую структуру управления ИИ. (23.08.23). РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230823/tszinp-1891759909.html>

²⁴ Harper, J. (2024, April 17). Pentagon takes AI dogfighting to next level in real-world flight tests against human F-16 pilot. DEFENCESCOOP. URL: <https://defensescoop.com/2024/04/17/darpa-ace-ai-dogfighting-flight-tests-f16/> (accessed 23.12.2024).

²⁵ Freedberg Jr., Sydney J. (2019, March 4). ATLAS: Killer Robot? No. Virtual Crewman? Yes. Breaking Defense. URL: <https://breakingdefense.com/2019/03/atlas-killer-robot-no-virtual-crewman-yes/> (accessed 23.12.2024).

объекты, несмотря на малые размеры целей. Системы управления комплексами противовоздушной обороны также наделены элементами ИИ для повышения эффективности работы С-300 и С-400, самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс наземного и морского базирования для ближнего и дальнего прикрытия как военных так и гражданских объектов, в том числе комплексов противоракетной обороны, «Панцирь-С1» оборудован ИИ, который распознает в режиме реального времени цели и высвечивает их для пользователя (Ромашкина, 2023).

Активно принимающие участие в настоящий период беспилотные летательные аппараты, стоящие на вооружении армии России – «Охотник», или «Соратник» и «Уран-9», представляющие собой многофункциональные робототехнические комплексы на гусеничном ходу, а также «Посейдон», разработанный для нанесения гарантированного ущерба при помощи ядерной энергоустановки, – примеры российских технологий с ИИ в военной сфере (Ромашкина, 2023).

Что касается Китайской Народной Республики, то, согласно официальным заявлениям, Китай не располагает технологиями ИИ в военной сфере, хотя совершил серьезный прогресс в гражданском использовании ИИ. Китайский чат-бот DeepSeek является передовой технологией, опережающей по эффективности своего американского конкурента ChatGPT, так как использует новый подход к обработке информации и пользуется

меньшими мощностями с сохранением результативности²⁶.

Возвращаясь к реальным театрам боевых действий, в которых было использовано оружие с технологиями ИИ, американская компания Palantir Technologies предоставила на безвозмездной основе технологии вооруженным силам Украины²⁷. Данный инструмент позволяет обрабатывать массивы информации, основываясь на данных коммерческих спутников, тепловых датчиков, разведывательных беспилотников, вычисляя расположение войск, предоставляя защищенный канал связи для обмена данными. Армия Израиля, например, активно внедряет технологии ИИ для более быстрого распознавания целей, формирования списка, тем самым наращивая темпы операций (Чугунов & Доронин, 2024).

Поскольку у человечества мало опыта работы с данной технологией, то существует опасность усугубления положения тем, что компьютер будет самостоятельно принимать решения, минуя человека, то есть как бы лишая его возможности руководить процессом, оставаться последней инстанцией в принятии решений. Этим вопросом обеспокоено международное сообщество, поэтому для выведения общего подхода необходимо было разобраться в терминах, обозначив данную сферу как смертоносные автономные системы²⁸.

По итогам проведенной работы автор приходит к выводу, что изучаемая область, хоть и представляет собой закрытую сферу, постепенно набирает обороты

²⁶ ТАСС. (28 января 2025). Эксперты: DeepSeek может стать революционной для рынка. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22994027> (дата обращения: 03.02.2025)

²⁷ Баранова Е., Попов Д. (8 января 2025). «США навязывают ИИ свои ценности» Искусственный интеллект скоро сможет менять исход конфликтов и выборов. Чем это опасно? LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/08/zinovieva/> (дата обращения: 03.02.2025)

²⁸ Wareham, M. (2018). Time is running out (Vol. 6. № 1.) Reaching Critical Will. URL: <http://reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/ccw/2018/laws/ccwreport/12344-ccw-report-vol-6-no-1> (accessed 23.12.2024)

как в исследованиях, так и в применении, неизбежно ведущая к необходимости регулирования и регламентации деятельности человека в области применения искусственного интеллекта в военной сфере. В связи с этим представляется важным сформировать единый подход к определению смертоносных автономных систем, не ограничивающий разработки

по внедрению ИИ, но учитывающий вопросы ответственности и этики. Поэтому в интересах Российской Федерации было бы занять позицию переговорного процесса на площадке, предложенной самой в рамках ООН, то есть в формате рабочей группы открытого состава, что позволит укрепить позиции государства.

Received: January 24, 2025

Accepted: June 6, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-2-51-64

UDC: 327

International Politics / Research article

GLOBAL POLITICAL CHALLENGES OF THE USE OF AI FOR MILITARY PURPOSES

Danil Y. Kocherinskii, MA, School of Governance and Politics, MGIMO University.
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: kocherinskiy.danil@mail.ru

Elena S. Zinovieva, Dr. (Political Science), Professor, Department for World Politics,
School of Governance and Politics, MGIMO University.
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: zinovieva@mail.ru

Abstract: In the 21st century, artificial intelligence technologies play an important role in shaping the balance of power on the world arena. They provide a significant advantage, which is why states are in a permanent race for the right to occupy leading positions. AI is intended to help mankind in further development, but there are already areas of application that are by no means peaceful and are destructive in nature. The aim of the work is to study the trends in the development of military AI and approaches to its regulation at the international level of AI on the basis of open sources of information. Methodological tools include discourse analysis of scientific literature and source base on the research topic. The author concludes that the field of military applications of AI is expanding, thereby modifying the nature of conflicts and posing new challenges to regulatory bodies. This field is gaining momentum and, as a consequence, legal regulation at the international level will develop. It is advisable for the Russian Federation to support the regulation of military AI and peaceful development of ICTs.

Keywords: information security, artificial intelligence, military technologies, lethal autonomous systems, UN negotiation process, international humanitarian law, ethical aspects

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Bhatt, C. & Bharadwaj, T. (2024). *Understanding the Global Debate on Lethal Autonomous Weapons Systems: An Indian Perspective*. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2024/08/understanding-the-global-debate-on-lethal-autonomous-weapons-systems-an-indian-perspective?lang=en¢er=india> (accessed 04.01.2025)

- McLuhan, M. (1966). *Understanding Media; the Extensions of Man*. New York: Signet Books. 396 p.
- Nadibaidze, A. (2022). Great Power identity in Russia's Position on Autonomous Weapons Systems. *Contemporary Security Policy*, 43(3), 407–435. DOI: 10.1080/13523260.2022.2075665
- Taddeo, M. & Blanchard, A. (2022). A Comparative Analysis of the Definitions of Autonomous Weapons Systems. *Sci. Eng. Ethics*, 28. DOI: 10.1007/s11948-022-00392-3
- Bulavinova, M. (2020). Problemy primeneniya avtonomnyh sistem v voennoj sfere [Problems of using autonomous systems in the military sphere]. *Naukovedcheskie issledovaniya. [Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences]*, 51–58. DOI: 10.31249/scis/2020.00.04 (In Russian)
- Chugunov, V. & Doronin, A. (5.06.2024). Boevoe primeneniye II-sistem Izrailem v sektore Gaza: eticheskie problemy. [Israel's combat use of AI systems in the Gaza Strip: ethical issues. RSMD]. Russian International Affairs Council. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/boevoe-primeneniye-ii-sistem-izrailem-v-sektore-gaza-eticheskie-problemy/?sphrase_id=149951056 (accessed 04.01.2025) (In Russian)
- Kozhemyakin, E. (2015). Diskurs-analiz kak mezhdisciplinarnyj proekt: mezhdum metodom i ideologiej [Discourse analysis as an interdisciplinary project: between a method and an ideology]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija*, 25, 5–12 (In Russian)
- Kozyulin, V. (2019). Smertonosnye avtonomnye sistemy vooruzhenij: problemy sovremenogo mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya i perspektivy ih resheniya. [Lethal autonomous weapon systems: problems of modern international legal regulation and prospects for their solution]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2152> (accessed 04.01.2025) (In Russian)
- Romashkina, N. (2023). *Iskusstvennyj intellekt dlya vojny i mira: podvodya itogi goda*. [Artificial intelligence for war and peace: summing up the year]. IMEMO RAN.
- Smirnov, A. & Kohtyulina, I. (2023). Global'nyj sammit po bezopasnosti iskusstvennogo intellekta v Londone kak test T'yuringa. [Global Artificial Intelligence Security Summit in London as a Turing Test]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43059> (accessed 04.01.2025) (In Russian)

Литература на русском языке:

- Булавинова М. (2020). Проблемы применения автономных систем в военной сфере. *Наукоевческие исследования*. Ежегодник ИНИОН РАН. М.: ИНИОН РАН. С. 51–58.
- Кожемякин Е. (2015). Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. № 25(6). С. 5–12.
- Козюлин В. (2019). Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы современного международно-правового регулирования и перспективы их решения. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2152> (дата обращения 04.01.2025)
- Ромашкина Н. (25.12.2023). *Искусственный интеллект для войны и мира: подводя итоги года*. ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/artificial-intelligence-for-war-and-peace-summing-up-the-year> (дата обращения 04.01.2025)
- Смирнов А., Кохтюлина И. (2023). Глобальный саммит по безопасности искусственного интеллекта в Лондоне как тест Тьюринга. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43059> (дата обращения 04.01.2025)
- Чугунов В., Доронин А. (5.06.2024). *Боевое применение ИИ-систем Израилем в секторе Газа: этические проблемы*. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/boevoe-primeneniye-ii-sistem-izrailem-v-sektore-gaza-eticheskie-problemy/?sphrase_id=149951056 (дата обращения 04.01.2025)

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;
 - Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all key-words (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;
 - **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
Подписано в печать: __.06.2025
Тираж 200 экз. / Объем 8,5 усл. п.л. / Заказ № ____

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press
